



Морев Л. А.



Елєцкий Знаменский жєнский монастырь на Каменной горе

**Задонский
Рождество-Богородицкий
мужской монастырь**

2007

По благословению преподобного Никона, епископа Липецкого и Елецкого

— В монастырь к нам желаете? — обернулся ко мне кучер, похлестывая пару сытеньких коней, неохотно взбиравшихся в гору.

— Да, обитель посмотреть!

— Обитель у нас, господин, необыкновенная. Истинное умиление!.. От самой затворницы, от Мелании строгость такая заведена. Настоящие ангелы, только что в человеческом виде! — разом расчувствовался он.

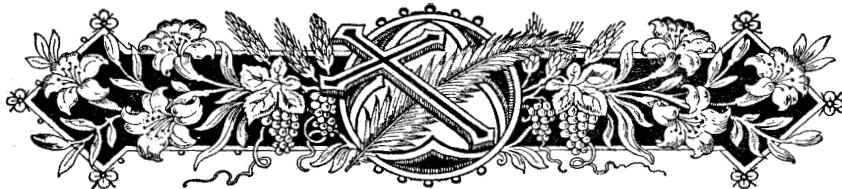
Этих-то ангелов повидать и с ними познакомиться ехала на так называемую Каменную гору, где на краю Ельца стоит Знаменский девичий монастырь. Вид монастыря издали замечательно красив. По горе по песку идет террасами громадная каменная лестница. Вверху, за стенами, видны купола храмов...

Немирович-Данченко В.И. Женская обитель. Святые горы. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. СПб., 1904.



© Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь. 2007 г.

© Морев Л. А. 2007 г.



Когда Елец отстроен был вновь...

Знаменский монастырь, возрождаемый ныне по благословению преосвященнейшего епископа Никона в городе Ельце – втором по значению духовном центре Липецко-Елецкой епархии, расположен на вершине так называемой Каменной горы.

По преданию, именно здесь какое-то время располагался древний Елец домонгольского периода. Место это, до построения Знаменского монастыря, именовалось «Старое городище». А потому высказывалась уверенность в правдивости предания не только со стороны местного краеведения, но и со стороны науки. В частности, поддержал эту точку зрения профессор А. Д. Пряхин в книге «Археология и археологическое наследие».

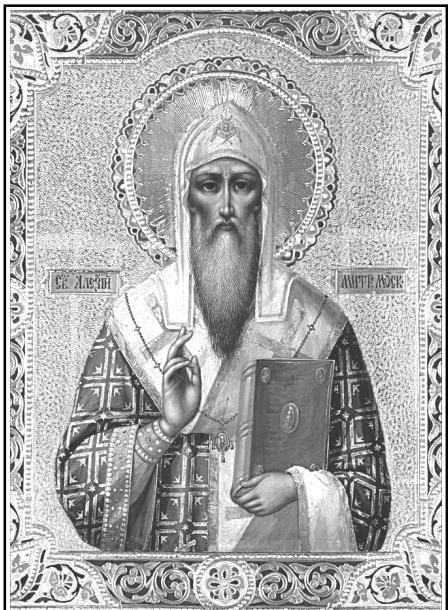
Перенос же Ельца на новое место, туда, где ныне высится Вознесенский собор, связывают с именем святителя Алексия – первого русского митрополита «Киевского и всея Руси».

Сей, избравший Москву местом своего пребывания, радетель о бедствовавшей из-за ига татарского и внутренних нестроений земле Русской, был и великим молитвенником перед Господом. И в 1357 году великий князь Московский Иоанн получил от правителя Золотой Орды – хана Джанибека – послание, где, в частности говорилось: «Мы слышали, что есть у вас служитель Божий Алексий, которого Бог слушает, когда он попросит. Отпустите его к

нам; если его молитвами исцелеет моя царица, то дарую вам мир; если же не отпустите его, пойду опустошать вашу землю». А к тому времени ханша Тайдулла уже три года как была почти слепой от неизвестной болезни. Когда князь передал слова Джанибека святителю, то тот смиленно ответил: «Прошение и дело превышают меру сил моих, но я верую Тому, Который даровал прозрение слепому».

И митрополит отправился в путь, лежавший через елецкие земли. Елец встретил предстоятеля всея Руси углами очередного пожарища. Но сами ельчане были радушны и сделали все, чтобы облегчить дальнейшее путешествие святителя Алексия. Перед тем, как сесть в ладью, чтобы плыть по водам Сосны, митрополит благословил провожавших его и предсказал, что быть еще Ельцу красиву и богату. А на вопрос, где строить город вместо сгоревшего, указал на гору, тогда густо поросшую дубовым лесом, над которым во множестве вились стаи голубей. «Где теперь собор стоит», — уточняется предание в книге «Елец веками строился». Ельчане принялись за возведение новой крепости, а святитель отбыл в Орду, где его молитвами ханша Тайдулла благополучно исцелилась...

Но от того Ельца, что выстроен был по указанию святителя Алексия, равно как и от более древнего Ельца «на Каменной горе», и следов ныне не осталось, кроме упомянутых преданий, а история собственно Знаменского монастыря связана уже с «новым» Ельцом. Эта обитель становится самостоятельным женским мона-



*Святитель Алексий,
митрополит Московский
и всея Руси*

стырем лишь в 1683 году, до того около шести десятилетий пробыв скитом основанного вместе с Елецкой крепостью Троице-Сергиева монастыря...

Крепость же Елецкая, с летописным Ельцом связанныя весьма условно, возникает в конце XVI века, когда прилежащие территории бывшего «Дикого Поля» стали частью территории Российской. В Разрядной книге 1475-1605 годов записано под 1591-1592 годами: «тово же году зимой, послал государь воеводу своею князя Ондrea Дмитриевича Звенигородского, а велел ему государь поставить от Крымских украины на поле город Елец; и князь Ондрей Звенигородской на Ельце город по государеву указу поставил». Знаменательно, что первые строители крепости — стрельцы и казаки — пришли сюда, на Елецкое городище — «на Рождество Христово», как свидетельствуют о том старинные документы. А другие документы подтверждают, что уже вскоре после устроения нового города выросли здесь церкви и монастыри. Как сообщают в своей статье «Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 годах...» В. Н. Глазьев и Н. А. Тропин, «к декабрю 1592 года...» в Елецком Троице-Сергиевом монастыре уже были игумен и монахи.

Об этом говорит «Грамота в Елец И. Н. Мясному о раздаче хлебного жалованья» от 26 декабря 1592 года. В документе есть и такие строки: «В монастырь Троицы Живоначальные да Сергия чудотворца — игумну с братьем — 25 чети ржи, овса тож». Отсюда, в частности, следует, что этот монастырь «срублен» был одновременно с городом и, как и все новопоселенцы, жил государственным жалованьем. Хотя предания относят его основание к концу XIV века, связывая то с радостью от победы в битве Куликовской, в которой участвовал со своей дружиной и князь Федор Елецкий, то с памятью о стойкости, проявленной малым Ельцом перед лицом орда Тамерлана...

Что ж, возможно, и заложили в 1592 году новый Троицкий монастырь на месте прежнего, сгинувшего в огне военных пожаров. Однако был он, как и весь тот Елец, только-только начинавшей обустраиваться новостройкой.

Но вот елецкие черноризцы обжились. Монастырю, как и прочим, дарованы были крестьяне. Обитель богатела, число братии

множилось. Возникла необходимость устройства скита для желавших большего уединения. И при игумене Моисее таковой скит, стараниями некоего монаха Савватия, был устроен.

Не имея иных свидетельств, мы далее обращаемся к изданному в 1895 году «Историческому описанию Елецкого Знаменского девичьего монастыря, что на Каменной горе», авторство которого принадлежит иеромонаху Задонского Богородицкого монастыря Геронтию (Кургановскому).

Как считает о. Геронтий, устроение скита «при игумене Моисее», на Каменной горе или «старом городище», связано с памятью о кровавых событиях, происходивших здесь, при истоках речки Ельчика, когда Тамерлан, приступив, сжег дотла мужественно обронявшуюся Елецкую крепость. Но это предположение – скорее лишь дань елецкой традиции преданий. Достоверно лишь то, что в 1628-1629 гг. монахом Савватием, «его же иждивением» была устроена на Каменной горе первая деревянная церковь во имя «Пресвятой Богородицы честной иконы Ее Знамения».

Как сообщает о. Геронтий: «При церкви этой тогда же построено было несколько деревянных келлий, в которых жили истые любители монашеского безмолвия. И как обитель эта устроилась с благословения игумена Моисея, настоятельствовавшего в то время в Елецком Свято-Троицком мужском монастыре, то она и подчинялась чиноположению означенного монастыря и находилась под влиянием его настоятелей во все время своего существования, т. е. до 1682 года».

Из «рядных» записей видно, что в этой церкви местные иконы, церковные книги, колокола, священнические ризы и прочее приобретены были старанием не только вышеупомянутого монаха



Елец конца XVI века. Историческая реконструкция

Савватия, но и частью — на мирские пожертвования. Главными благотворителями новоустроенному скиту были воевода Елецкий Любим Шекловитый, «приезжий гость» — купец Григорий Шустов и местный купец Моисей Росихин.

Воевода помог монаху Савватию выстроить рядом с первым храмом и второй деревянный храм во имя святителя Христова Николая Чудотворца. Шекловитым для этой церкви были пожертвованы: иконы, Святая Чаша, дискос с прибором, царские врата. «А другие жертвовали и дополнили остальное необходимое», — сообщает иеромонах Геронтий. Тогда же монастырь обнесен был «деревянными кругом стояками». Всего пространства монастырь занимал «3 сажени длины и 16 с половиной саженей ширины».

Собственно о строителе Савватии не известно ничего. О. Геронтий замечает по этому поводу: «Но кто был этот благочестивый старец Савватий, устроивший своим посилем и руками означенный скит на Каменной горе — простой ли инок или священноинок? Летопись не дает нам об этом точных сведений. Быть может, это был один из тех благочестивых ревнителей с простотою и смиренiem сердца, с безмолвием ума, с отложением всякого житейского попечения, предавшийся здесь уединенной, пламенной молитве и действию Духа Божия, одушевлявшего его Божественное служение: *“истинно возлюбивший благолепие дому Господня и место селения славы Его”* (Пс. 25, 8)».

Всего просуществовал мужской Савватиевский скит на Каменной Горе около 60 лет. Дальнейшее его существование пресеклось, как считает о. Геронтий «частью оттого, что не много находилось истинных подражателей и любителей строгого отшельнического уединения, а более от частых нарушений этой желанной тишины неблагонамеренными людьми, укрывавшимися в чаще лесной от преследований правительства, и скит тогда оставался со всеми своими постройками совершенно брошенным на произвол судьбы». По рассказам, дошедшим до отца Геронтия через елецких старожилов, иногда скит, которому Троицкий монастырь уделял весьма мало внимания, пустел настолько, что заселяли его временно, вместо старцев-иноков, бродившие по городу черные старицы или черницы, «вековуши» по-народному...

Именно такая картина и предстала взору новопоставленного епископа Воронежского Митрофана, направлявшегося к месту служения своего через Елец.



Московским собором 1681-1682 годов учреждена была Воронежская епископская кафедра. Первым епископом Воронежским стал святитель Божий Митрофан.

В августе 1682 года новопоставленный архиерей Воронежский направился к месту своего служения. Путь его лежал через Елец, который также был включен в состав вверенной его управлению епархии. А потому святитель Митрофан изволил по пути остановиться в городе Ельце, дабы поближе познакомиться с паствой, живущей во втором по величине городе земли Воронежской того времени.

«Ельчане с великою радостью приняли своего архипастыря и густою толпою шли, теснились вокруг него, благоговейно спеша принять святительское благословение. И святитель, приветливо благословляя жителей, заметил тогда в числе мирян, подходивших к нему, черниц-инокинь», — повествует «Историческое описание...».

Из сообщенного ему еще в Москве о епархии, святитель Митрофан знал, что в Ельце официально существует только один Троицкий мужской монастырь, а женских монашеских обителей не имеется. А потому он обратил особое внимание на черничек, дав им ряд вопросов. Особено интересовало владыку следующее: «Где они имеют свое пребывание? Куда ходят на божественную службу молиться? Чем занимаются? И какими средствами добывают себе пропитание?» На это черницы ответили, что «живут они по мирским домам, так как женской обители в городе нет. Питаются мирским подаянием, а на божественную службу ходят в мужской монастырь Рождества Пресвятой Богородицы».

Так именовали матушки тот самый скит Троицкого монастыря на Каменной горе, который первоначально, по первой деревянной церкви, был посвящен Курской иконе Божией Матери Знамение. За минувшие с основания скита в 1629 году десятилетия здешняя

деревянная церковь, остававшаяся единственной, была, видимо, перестроена и к ней добавился придел во имя Рождества Пресвятой Богородицы, ставший главным. Отсюда и разноголосица в наименовании первой обители на Каменной горе: в исторических сочинениях и документах именуется она и Знаменской, и Курской, и Рождественской...

Выслушав стариц-инокинь, святитель Митрофан тогда же сделал устное распоряжение: так как в Ельце, кроме Троицкого мужского монастыря, есть еще практически пустующий мужской скит «на Каменной горе» «с деревянною в нем церковью во имя Рождества Пресвятой Богородицы – Знамения, то этот последний переименовать в женский».

Вот как излагает эти события практический современная им грамота 1685 года: "Преосвященный Митрофан, епископ Воронежский... видя... тех стариц, что оне волочатся по разным церквам и кормятся по мирским домам и живут не по иночески, с великою нуждою; велел им быть в общем жительстве на Ельце в монастыре Пресвятая Богородицы, а которые были в том монастыре старцы, велел им быть потому во братстве на Ельце в Троицком мужском монастыре".

А в 1683 году святитель Митрофан формально закрепил свое устное распоряжение, издав указ, определявший, чтобы «монахи, живущие в скиту на «Каменной горе», немедленно перешли в свой прежний Троицкий монастырь, издавна находящийся на Помасаде; а черницы-инокини перешли бы в оный скит». Тем же указом поставлена была на руководство новым монастырем первая настоятельница. Ею, по благословению владыки Митрофана, стала духовно опытная монахиня Иулита, возведенная в сан игумении. Но даже письменный указ правящего архиерея еще не окон-



*Первопрестольный
Воронежский святитель
Митрофан*

чательно решал дело. Тем более, что Троицкие монахи отнеслись к инему без должного уважения.

Матушки новооснованной, но Высочайше, царским указом, не утвержденной новой обители жаловались в своей челобитной, «Троицкого монастыря игумен Иосаф с братиею из того монастыря их стариц сбивает, и землею владеть им не дает, для того, что перевел их в тот, Воронежский Епископ, без... Великих Государей указу – собою».

«И скотину прогнать ни огород для овошу загородить негде», – били челом о своих бедах честные старицы. – «И живут оне старицы в том монастыре с великою скудостию, помирают голодною и студеною смертью и прокормится им и попу и церковным причетникам нечем».

А потому, сообщает о. Геронтий: «Об утверждении сего монастыря женским святитель лично ходатайствовал особым прошением пред Высочайшею Властью».



В середине 1680-годов у кормила власти государства Российского оказались сразу три царственных особы. Формально страной правили цари-братья Иоанн V и Петр I Алексеевичи.

Но Иоанн в делах управления государством не участвовал и пребывал «в непрестанной молитве и твердом посте». Петр в то время имел еще лета младые. А потому реальным управителем российских земель была их сестра – царевна Софья Алексеевна. Так что государево пожалование Знаменский Елецкий монастырь получил в 1685 году «От Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и Великия Государыни Благоверныя Царевны и Великия княжны Софии Алексеевны. Всея Великие и Малыя и Белыя России Самодержцев».

«Великие Государи», как гласит текст жалованной грамоты, рассмотрев челобитную елецких инокинь, подкрепленную авторитетом преосвященного Митрофана, епископа Воронежского, приняли решение «велеть и отказать Рождественского девичьяго монастыря, что на Каменной горе игумены Иулите с сестрами в

вотчину их» «ту монастырскую Троицкую землю, на которой тот их монастырь, что на Каменной горе построен». А кроме того, определено было «двадцать четвертей отдать им в девичий монастырь на прокормление попам и церковным причетникам и им старицам». Не забыли и прежних владельцев Каменной горы – Троицких монахов: «а вместо той земли Троицкаго монастыря игумену с братиею 20 же четвертей да в Елецком же уезде из порожних земель, где приищится». Писана была царская грамота «на Москве, лета 7193 (1685), августа в 3-й день».

«Таким образом, утвержденный по благословению и ходатайству святителя Митрофана, епископа Воронежского, и одаренный царскими милостями... женский монастырь на «Каменной горе» продолжал существовать в благоустроенным порядке и возможном изобилии», – замечает по этому поводу отец Геронтий в своем «Историческом описании елецкого Знаменского девичьего монастыря...», по тексту которого и процитирован вышеизложенный документ.

В подтверждение своего предположения о «возможном изобилии», отец Геронтий приводит следующий факт: в старопечатных книгах Миней (февральской и июльской 1696 года), сохранившихся в Знаменском монастыре, была надпись, сделанная подьячим «Иваном Савельевым Коротневым», о том, что игумения Иулита «мирским подаянием» выменяла эти книги для своего монастыря, «что на Каменной горе». Подобное приобретение в веке XVII «дорого стоило и по редкости печатных книг и по скучности денег».

Но не только «мирское подаяние» способствовало экономическому благополучию новооснованной обители. Еще в 1688 году инокиням Знаменской обители пожаловано было Государевым указом право собирать плату за проезд моста через реку Сосна «под Ельцом», который, силами вотчинников, монастырь должен был содержать в порядке. Тем же указом женской обители «на прокормление» отдан был и перевоз через реку Дон в районе северной окраины современного города Задонска: «против села Мокрого Бояраку под Тешевским селом» – согласно старинным ориентирам. Перевоз этот располагался на довольно бойкой дороге, соединявшей Елец с существовавшей во второй половине века XVII крепостью в селе Мокрый Боярак (современный Ржавец Задонс-

кого района Липецкой области). С моста Знаменский монастырь получал по 15-16 рублей в год, тратя на ремонт 3. Содержание перевоза обходилось «рубля по два и больше», а «собиралось рублей 5-6». По тем временам деньги очень приличные.

А потому и не удивительно, что уже первая настоятельница обители — игумения Иулита — «в правление свое приобрела для монастыря известное количество земли; ризницу; богослужебные книги на весь годовой круг; обнесла монастырь частокольной оградой и проч.». Эта «деятельная и всесчастная игуменья» управляла Каменноморским Знаменским девичьим монастырем около 15 лет. «Самый монастырь при ней состоял из двух деревянных, небольших церквей и 12 малых келий; в одной из них жила сама игуменья, а в остальных ее сподвижница благочестивых подвигов и помощница в управлении обителью — казначея старица Васса с сестрами. За оградой монастыря находился тогда двор “белого попа” Вукола Андреева, за коим все погорье было покрыто густым чернолесием и еловым бором».

Как сообщает отец Геронтий, «в 1697 году благочестивая заботливая игуменья Иулита почила о Господе в глубокой старости и погребена (согласно преданию) на Каменноморье в своей обители».

Второй настоятельницей «Каменноморья» стала игумения Каптолина (Каптелина — по документам XVII века). Известен текст «сказки игумены Каптелины с сестрами», опубликованный воронежским церковным историком П. В. Никольским в 1905 году. Согласно этому документу, около 1708 года за Елецким девичьим монастырем на Каменной горе по-прежнему числились «20 четвертей в поле, а в дву потомуж», располагавшиеся «под Елецким лесом».

Обитель все также делила землю с еще здравствовавшим в те годы «белым попом Вуколом». Причем, свою часть земельного надела каменноморское сестричество сдавало в аренду за небольшую плату. Тремя четвертями земли из монастырского участка на «Яблоновой поляне» «завладел насильно ельчанин сын боярский Кирилл Целиковский».

Сократилась к началу XVIII века и доходность некогда весьма прибыльных моста через Сосну и перевоза на Мокрый Боярак. В 1702 году «мост починял елецкий воевода, а монастырю от моста

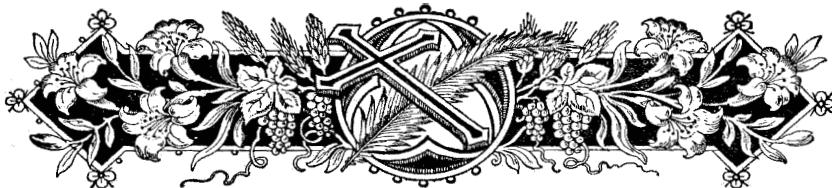
отказал» «для приезду государевых всяких полковых припасов и ратных всяких чинов людей». Связано это, видимо, с тем, что в 1700 году дорога из Москвы на Воронеж, проходившая через Елец, получила статус государственного почтового тракта. Что же касается перевоза через Дон, то в «сказке» говорится следующее: «Ныне же доходу малое число... На перевоз идет мало народа, потому что большая дорога идет через перевоз Тешевского монастыря, а здесь дорога залегла». Связано это, в частности, с упразднением находившейся близ Мокрого Боярка (Ржавца) достаточно солидной деревянной крепости. Окончательно утеряв свое военное значение в связи с успехом Петровских завоевательных походов к Азову, Ржавецкий острог был 1 января 1702 года передан адмиралтейцу Ф. М. Апраксину как часть поместья, дарованного царем «за ево многую к нему Великому Государю, верную службу», а затем попросту снесен.

Из-за оскудения внешних источников монастырских доходов обитель вновь стала, как и в первые годы, сильно зависеть от шедрот мирских. «Церковного вина выходит полведра в год, а иное церковное вино дают мирские люди; а ладаном и свечами управляются подаянием от мирских людей, потому что за скучностью купить нечем; питаются, сверх вышепоказанных доходов, от мирских людей подаянием».

Отец Геронтий добавляет, что игуменией Капитолиной «приобретена была от прaporщика Ив. Гриднева возвратным образом по суду, девичьему монастырю земля в двух участках: в Прокопной поляне по Белевской большой дороге 40 четвертей и в другом месте (в Целиковской или Погорелой даче) 11 четвертей». Как видно из этого сообщения, отнятую Целиковским землю удалось все-таки вернуть.

Игуменья Капитолина скончалась в глубокой старости и погребена была в ограде монастыря.





Благословением святителя Тихона

Третьей настоятельницей Елецкого Знаменского монастыря «на место Капитолины» назначена была игумения Вера. Окормление женской обителью вверено было новой настоятельнице в годы, когда, как замечает отец Геронтий, «Елецкий Знаменский девичий монастырь клонился уже к упадку по причине утеснений и поползновений на захват монастырских вотчин, совершившихся со стороны недобросовестных лиц».

И в таких случаях нередко приходилось «честным игуменьям сего монастыря защищаться судом и челобитьем, прося Великих Государей оградить обитель от злых притеснителей и обидчиков». Вот и при игумении Вере по ее личному ходатайству в 1706 году проведена была вторая межевая проверка монастырской «владенной» земли, приобретенной еще «предместницей игуменией Капитолиной». По мнению иеромонаха Геронтия, «время управления монастырем Знаменским этою игуменею можно считать между 1712 – 1730 годами». Окончила дни свои игумения Вера в старости и погребена была «на Каменногорье в ограде монастыря».

Четвертой настоятельницей «на Каменногорье», согласно исследованию иеромонаха Геронтия, была игумения Пелагея.

Она, как сообщается, «отличалась строгостью характера к себе и к другим».

Меж тем автор жизнеописания затворницы Мелании, прославившей впоследствии девичью обитель на Каменной горе, епископ Орловский Макарий (Миролюбов) приводит несколько иной список первых четырех настоятельниц Знаменского монастыря, замечая, в частности, что «предание сохранило нам досточтимые имена настоятельниц старого монастыря, игумений Матроны, Веры, Капитолины и Иулиты». Но труд преосвященного Макария вышел в свет на добрых несколько десятилетий ранее «Исторического описания...» отца Геронтия и, в отличие от последнего, лишь в общих чертах передает историю обители, а потому мы склонны считать более точными сведения, приводимые иеромонахом Геронтием, так как основываются они на документах.

Например, из документов явствует, что четвертой настоятельнице, подобно предшественницам, немало сил пришлось положить не только на внутреннее устроение обители, но и на защиту монастырской недвижимости. В 1740-х годах «игумения Пелагея с сестрами» вела тяжбу в Елецкой провинциальной канцелярии с помещиком «Ив. Нащекиным» за учиненный им своевольный захват 11 четвертей монастырской земли.

Но вот наступил год 1764. И «февраля 26 дня» указом Великой Государыни Екатерины II духовные вотчины в России были упразднены, а монастырские крестьяне отобраны в ведомство Государственной Коллегии Экономии.

Часть монастырей была признана штатными, с пожалованием ежегодного небольшого казенного жалованья на их содержание; другая часть осталась за штатом, то есть на своем содержании; наконец, беднейшие монастыри, существовавшие кое-как ранее при земельном обеспечении, были закрыты. В число этих последних и попал Елецкий Знаменский.

Как сообщает П. В. Никольский в «Монашестве на Дону»: «3 апреля 1764 года из Коллегии Экономии последовал указ в Воронежскую духовную консисторию, требовавший определить, какие монастыри следует сохранить в Воронежской Епархии за штатом, на своем содержании». С ответом не замедлили, и 29 апреля, на основании представленного из Воронежа доклада, Св. Синод вынес решение о монастырях Воронежской губернии. Из всех женских монастырей оставлен штатным был лишь один Воронежский

Покровский. «Елецкий Богородицкий» в числе прочих также упразднялся «с размещением монахинь по оставшимся в штате монастырям», то есть с переводом матушек в Воронеж. А спасались к тому времени здесь 23 девицы и старицы под водительством игумении.

Но ни епархиальное начальство, ни само елецкое сестричество исполнять столы неприятный для них указ не торопились. Тем более, что один оставленный в штате Воронежский женский Покровский монастырь попросту не мог принять в свои стены оставшихся за штатом монахинь других женских иноческих обителей. Таких черниц оказалось 60, а в Покровский монастырь можно было принять только 4, недостающих по штату.

Управлявший тогда Воронежской епархией святитель Тихон (Соколовский), докладывая об этом Св. Синоду, согласился впредь до нового синодального определения по этому поводу оставить девичьи монастыри «без переводу». Но из Св. Синода никакого разъяснения не последовало. Поэтому женские монастыри, будучи формально упраздненными, «оставались несколько лет в неопределенном положении».

Что касается обители на Каменной горе, то здесь были два храма, чтимых и посещаемых ельчанами. Это могло и далее давать средства на пропитание матушек.

И действительно, Богородицкий Елецкий монастырь на протяжении нескольких лет после секуляризации содержался «без всякого недостатка от всего гражданства и Елецкого уезду от помещиков и своих трудов».

Но попущением Божиим 12 апреля 1769 года в Ельце вспыхнул пожар, почти весь город сгорел, сгорели и многие храмы. Не миновала разбушевавшаяся огненная стихия и женского монастыря на Каменной горе. В пламени сгинули обе старинные уже в те годы, почти полуторавековые деревянные церкви.

Впрочем, послал Господь в тот страшный день гонимым властью, а теперь еще и погоревшим монахиням, великое утешение и знак особой своей милости к этому намоленному месту.

«Испуганные, но заботливые в самом страхе инокини, — пишет о. Геронтий, — с опасностью [для] собственной жизни, успели спасти только некоторую утварь церковную и были свидетельни-

цами, как в обгорелом их святом храме остались целы и невредимы среди пламени три святые иконы: Спаса Вседержителя, Божией Матери «Троеручица» и «Знамения» Пресвятой Богородицы, которая и прежде признавалась чудотворною». Икона же святителя Николая, именуемая Можайскою, найдена была на пожарище расколотой, но не обгоревшей.

Вскоре после случившегося пожара, «по ветхости зданий», монастырь девичий на Каменной горе был все-таки закрыт.

Тогда же распоряжением епископа Воронежского Тихона II (Якубовского), преемника святителя Тихона I (Соколовского), который в то время пребывал на покое в Задонской Богородицкой обители, повелено было оставшимся без приюта штатным монахиням и послушницам из погоревшего Елецкого женского монастыря переместиться в Воронежский женский монастырь, что и было немедленно исполнено. «За каковым несчастным приключением игуменья и монахини переведены в Воронежский Покровский монастырь, находящиеся ж во искусе вдовы и девицы разошлись в разные места и в свои дома», — приводит строки из документа 1774 года П. В. Никольский.

А вот какими словами завершает о. Геронтий повествование о первом этапе существования Елецкой женской обители «на Каменногорье»: «Остались только на своем излюбленном пепелище две бого любивые старицы — 60-ти летняя Ксения и 80-ти летняя Агафия, усердные рабы Христовы. Они решились лучше жить под



*Так могли выглядеть деревянные храмы
Елецкого Знаменского монастыря,
сгоревшие при пожаре 1769 года*

открытым небом, нежели оставить свое согретое молитвенным огнем и вздоханиями сердечными уединение. Так печально закончилось существование Елецкой Знаменской женской обители, что на Каменной Горе».

Но, как гласит предание, оставаясь среди развалин, старицы крепко верили, что рука Господня будет с ними, верили и тому, что Он, Милосердый, восстановит их разрушенную пламенем святую обитель – к славе Пресвятого имени Своего.

Так вскоре и совершилось. Промыслом Божиим по молитвам великих угодников Митрофана и Тихона, святителей Воронежских, «благоугодно было паки возродить оную «яко Финикс», – из пепелища».



Елецкий женский монастырь на Каменной горе, формально упраздненный указом Св. Синода от 29 апреля 1764 года и фактически уничтоженный пожаром 12 апреля 1769, на целых полвека прекратил свое существование. Но не пресеклось подвижническое монашеское житие на опустошенном огнем пепелище.

Старицы Ксения и Агафия, смиренно претерпевая выпавшие на долю их жизненные тяготы, поселились в месте, где еще недавно стоял храм Божий.

Сначала старица Ксения устроила себе и Агафии малую коморочку из уцелевшего от пожара каменного погреба, покрыв его дубовыми ветвями, обмазанными глиной. Внутри сама сложила печь, а из обгорелых досок сделала дверь. «И в этой импровизированной убогой келии смиренные старицы возносили денно и нощно свои пламенные молитвы Небу, моля Господа и Пречистую Богородицу о восстановлении истребленной огнем их святой обители... Оставаясь тут среди развалин, старицы крепко верили, что рука Господня будет с ними, верили и тому, что Он, Милосердый, восстановит их разрушенную пламенем святую обитель – к славе Пресвятого имени Своего», – замечает по этому поводу иеромонах Геронтий. И вера их подкреплялась утешениями, которые в милости Своей ниспосыпал им Господь.

А тем временем весть о беде, постигшей елецких черниц, и о старицах-подвижницах, не пожелавших покидать места, где некогда суждено было им искать спасения, достигла и святителя Тихона, жившего в то время на покое в Задонском Богородицком монастыре.

«Услышав о такой тяжкой беде и скорби, постигшей город Елец, отзывчивый на все благое-доброе, великий угодник Божий святитель Тихон, тогда же из Задонска прислал схимонаха Митрофана, посетить скорбящих граждан и нуждающимся подать тайную милостыню, также и на Каменной горе приказал посетить убогих стариц Ксению и Агафию и утешить их упованием на Бога и милостинным подаянием. Тогда старицы, собрав св. иконы и книги, показывали их схимонаху Митрофану, которого весьма любили и уважали о Господе, как отца духовного. А схимонах Митрофан, от лица святителя Тихона ободрял и утешал их надеждою, что это святое место, избранное Господом для водворения иночествующих, не будет в запустении, но в скором времени обновится благодатию Божию», — сообщает отец Геронтий.

Явлено было старицам-отшельницам и несомненное знамение свыше, весьма укрепившее их в решимости и далее пребывать в трудах и молитвах именно в месте этом, временно опустошенном пожаром, с надеждой на будущее возрождение святой обители.

Вот как излагает происшедшее отец Геронтий: «Однажды ночью старица Ксения вышла по обыкновению из своей подземной келии и, став на месте бывшего храма Божия, в безмолвии долго со слезами молилась и изливалась в молитве свою скорбную душу пред



*Одно из так называемых
«елецких» изображений
св. Тихона Задонского,
столь многое благотворившего
насельницам Каменногорья*

Единым Сердцеведцем Господом. Вдруг она ощущила необыкновенное веяние благодати в сердце своем. Объятая благоговейным трепетом и радостью, она стала громко звать сотрудницу свою Агафию. Та немедленно вышла на зов из келии и им обеим представилось чудное явление: озаренный божественною славою, какой-то всадник простер руку на то место, где была сгоревшая обитель, осенил ее благословением и сказал: “Буде имя Господне благословлено на месте сем от ныне и до века”. Прибавив к тому, что он мученик Христов Иоанн Воин, стал невидим. Старицы поклонились Господу Богу и прославили святое и великолепное имя Его, веруя, что Ему угодное будет, по человеколюбию и всемогуществу Его будет исполнено. Также и святому мученику Иоанну Воину воздали они честь и благодарение за обещанные им милости Божии и, радуясь о преславном видении, ожидали помочи свыше для возобновления св. обители».

И действительно, к месту, освященному искренними слезными молитвами благочестивых трудниц, благословением пребывавшего в Задонске святителя Тихона, начали собираться искавшие спасения сестры.

Так весною 1770 года уроженка Ельца, девица Матрона Ивановна Солнцева 22 лет, пожившая до того на испытании в Воронежском Покровском женском монастыре, пошла в Елец повидаться с отцом. В Воронеже Матрона обучалась грамоте и золотошвейному искусству и немало в сем преуспела.

По пути Матрона зашла к святителю Тихону в Задонск, дабы принять его благословение. Святитель благословил ей остаться в Ельце на Каменной горе, и предрек, что монастырь тамошний, после разных скорбей, возобновится.

Прия в Елец, Матрона на месте сгоревшего женского монастыря нашла одну только убогую келию, где одиноко жила старица Ксения. Сотрудница и сомолитвенница ее Агафия уже отошла ко Господу. Увидев то, сколь убогое житие Ксении, Матрона смущилась. А тут еще, ко всему виденному, старица Ксения рассказала Солнцевой о притеснениях со стороны проживающих поблизости крестьян, бывших прежде монастырскими.

Соседям-землепашцам было вполне достаточно иметь свой приходской храм и скорбели они лишь о его отсутствии. Возобновле-

ния монастыря же крестьяне вовсе не хотели, поскольку многие после перевода сестер в Воронеж свободно завладели бывшими монастырскими выгонами и огородами и прочею землею. Так что, по словам старицы Ксении, если бы особая помощь Божия не соблюдала отшельниц, то их и вовсе выгнали бы с пепелища.

Услышав это, Матрона не решилась остаться на Каменной горе, а пошла обратно, в Воронеж. На пути снова зашла в Задонск и объяснила святителю Тихону причину, почему она не осталась в Ельце. «Пощади, батюшка, святитель Христов, — говорила она, — оттуда монахинь перевели всех до одной в Воронеж, а ты, батюшка, меня из благоустроенного монастыря туда выводишь на пепелище! Я еще не старых лет». «Жаль, Матрона, — отвечал святитель, — что ты не послушалась меня и не осталась в Ельце, ты и сама пожалеешь об этом».

Открытое святителем сбылось. По возвращении в Воронеж, Матрона сделалась больна и полтора года пролежала в постели. Признавая в своей болезни наказание Божие за ослушание, она дала обещание, если выздоровеет, все-таки искать спасение на елецком Каменногорье. И вскоре после ее обещания, данного с молитвою, от чистого раскаявшегося сердца, болезнь прошла. Матрона, сопровождаемая послушницей Екатериной Филипповной Уваровой, отправилась в Задонск. Спутница Матроны, уроженка города Липецка, была старше ее годами (1740 года рождения).

В 1772 году, испросив благословение святителя Тихона, поселились матушки Матрона и Екатерина в Ельце на Каменной горе, на месте бывшего монастыря, вместе со старицею Ксениею, которая в это время с помощью Божией имела уже свою деревянную келию. Тогда же, по просьбе святителя Тихона, елецкий купец Конон Никитич Кожухов выстроил и для Матроны с Екатериною особую деревянную келию.

«Святитель Тихон во время приездов в Елец навещал сестер, руководя советами и наставлениями в духовной жизни. Он же просил елецких купцов благотворить сестрам», — сообщает П. В. Никольский. Основываясь на рукописном житии святителя Тихона, хранившемся до революции 1917 года в церковной библиотеке Елецкого Знаменского женского монастыря, автор жизнеописания елецкой подвижницы, затворницы Мелании, епископ Мака-

рий (Миролюбов) приводит такой случай: «Однажды в зимнее время, за неимением дров, Матрона хотела изрубить половицу и ею истопить печь. Святитель Тихон послал схимонаха Митрофана купить им дров, и он доставил им дрова в такой крайней нужде».

Матушки, избравшие скучное и неуютное житие в руинах сгоревшего монастыря, пользовались уважением весьма многих именитых ельчан, издревле почитавших место это святым и весьма значимым в истории города.

«Жители города Ельца и пришельцы посещали Каменную гору. Немало удивлялись они мужеству отшельниц и всегда желали возобновить святую обитель, и хотя, по расстройству от бывшего пожара, не могли скоро подать единовременную помощь, но с благовейным упоминанием на Бога, никогда не забывали тамошних тружениц посильным подаянием милостыни», — так рассказывает об этих нелегких годах владыка Макарий, добавляя, что «почитатели святителя Тихона слушались его благовейно, принимали его внушения и считали своею священномъю обязанностью помогать отшельницам».

Пока же на Каменной горе, как о том и хлопотали ранее местные крестьяне, выстроена была «на доброхотные пожертвования» деревянная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы и Ее честной иконы «Знамение». К церкви тогда же приписан был один штат клириков. В приходе оной числилось 29 дворов и 90 душ мужского пола из Ламской и Черной слобод. Была новопостроенной церкви дана и земля на содержание причта.

Одновременно подавались ходатайства и о возобновлении здесь монастыря.

В прошении, адресованном Святейшему Синоду, елецкие горожане самого разного достатка обещали устроить монастырь «своим иждивением» и ручались, что на содержание обители не потребуется никакой помощи от казны.

Но Синод отказал в этой просьбе, находя, что это будет противоречить указу императрицы Екатерины II от 31 марта 1764 г., которым предписано было «вновь монастырей и пустынь нигде ни под каким видом без особливого Ее Императорского Величества соизволения не строить». Кроме того, согласно свидетельству цитируемых П. В. Никольским материалов архи-

ва Св. Синода за 1774 год указывалось, что «оное место за тем приходом и дворами к монастырскому строению и житию монашескому усматривается неприлично».



Тем не менее, возобновленный на Каменной горе храм Божий стал не только приходским для окрестных жителей, но и духовным центром женской монашеской общинны, молитвами и попечением святителя Тихона Задонского вновь сбиравшейся на Каменной горе.

По старым елецким преданиям, местные крестьяне, с благоговением относившиеся к добруму и «простому владыке», пребывавшему на покое в Задонске, узнав о том, что матушки остаются на Каменной горе с его благословения, прекратили на них всякие гонения.

А «при умножении сестер на Каменной горе, святитель Тихон наименовал тогда бывшую послушницу Воронежского Покровского монастыря вышеупомянутую Матрону Ивановну Солнцеву, как уроженку елецкую, начальницей Знаменской общинны, преподал им правила благоустройства церковного по чину монашескому», — читаем мы в историческом описании Знаменского монастыря, принадлежащем перу иеромонаха Геронтия.

Осенью 1778 года в общину на Каменной горе пришла, ища спасения, юная елецкая жительница, которой тогда «не было еще 20-лет от роду» — Мелания Пахомова. Ей суждено было, многое претерпев, стать истинным украшением процветшего здесь в веке XIX цветника духовного.



Мелания, затворница
Бывший Знаменский, на Каменной горе, женский монастырь.

Сподобившаяся получить благословение своих первых шагов по стезе узкой от святителя Тихона, завершившего свое житие земное, Мелания и впредь, Промыслом Господним, не оставалась без должного духовного руководства. Наставления Христа ради юродивого елецкого Каменева, которого святитель Тихон именовал «врачом от помыслов высокомуния», священника Преображенской церкви блаженного Иоанна Борисовича, Троекуровского затворника Иллариона и иных подвижников благочестия не пропали втуне. Как на ниве благодатной, возросло семя Слова Божия в чистой и отзывчивой душе девицы Мелании, которая ныне, по подвигам своим, как равная с равными называется в ряду тех, у кого имя *Отца Небесного начертано на челе их...*

Меж тем вновь управительнице каменногорской общины Матрону Солнцеву постигло духовное испытание. Она стала тяготиться умножающимся числом сестер и растущими заботами по устройению жизни в общине. Все это, по ее мнению, нарушало безмолвную уединенную жизнь и препятствовало жить по наставлениям святителя.

От таких размышлений созрел помысел оставить Каменную гору. Тогда начальница Знаменской общины поехала в Задонск испросить благословения святителя. Но, переезжая Дон на лодке, она едва не утонула и возвратилась обратно, уже лишенная так искушавшего ее помысла.

Епископ Макарий, рассказывая об этом в «Жизнеописании девицы Мелании, затворницы...», приводит также и бытовавшее в Ельце предание, что святитель Тихон по дарованной ему прозорливости провидел случившееся, а потому сам явился на помощь утопавшей Матроне и, выхватив ее из вод Дона, поставил на берегу. А перед тем, выходя из своей молитвенной келии, приказал послушникам согреть самовар, сказав, что придут елецкие старицы и надо обогреть их.

В 1779 году святитель Тихон в последний раз посетил столь любимый им город Елец.

Не преминул тогда же побывать и на Каменной горе. Увидя «население ее цветущее начатками иноческих подвигов, благословил всех и каждую, потом обошел гору, остановился на месте [будущего] храма и назначил тут быть его построению». У город-

ских же властей просил, чтобы отшельницы могли покойно жить на Каменной горе и чтобы никто их не обижал...

Благословение святителя Тихона на постройку каменного храма в указанном им месте уже вскоре подкрепилось значительным пожертвованием денег. Весьма почитавшая святителя помещица елецкого уезда Анна Ивановна Хлусова пожертвовала на устройство каменной церкви во имя иконы Божией Матери «Знамение» 18 тысяч рублей ассигнациями, вручив деньги начальнице каменогорской общине Матроне Солнцевой.

По свидетельству владыки Макария, Матрона Солнцева в те дни «день и ночь пламенно молилась Царице Небесной, призывая Ее всесильную помощь к скорейшему осуществлению заветного желания. Наконец, к радости каменогорских подвижниц, торжественно совершено было по чину церковному освящение пред назначенного святителем Тихоном места и заложен был каменный двухэтажный храм в честь Пресвятой Богородицы – честного Ее образа «Знамения». Храм этот вначале представлялся по архитектуре своей столпообразным, с фронтонами и столбами по бокам, об одной главе, увенчанной золотым крестом».

С первых дней строительства сестры, считавшие храм своим и видевшие в нем прообраз будущей обители, неусыпно помогали заботливой начальнице в постройке нового храма: сами носили на плечах своих из-под горы тяжелые камни, сами расчищали землю и рыли бут наравне с рабочими-мужчинами, обжигали кирпич, помогали переносить его из печей на место церковной постройки, сами приносили песок и воду. «Не без удивления смотрели каменозатели на такие усердные и нелегкие труды монахинь и, из подражания им, сами не смели уже опаздывать на дело свое и успешно производили свою работу. Но не до конца шло так святое дело... Милостивый покровитель Каменной горы святитель Тихон не дождался окончания этой постройки; оплаканный неутешными слезами осиротевших отшельниц, он перешел в вечность 13 Августа 1783 года», читаем мы в «Жизнеописании девицы Мелании, затворницы...».

К сожалению, точная дата закладки храма в доступных на сегодня источниках сведений по истории Знаменского монастыря не называется. Напротив, сведения о начале строительства весьма

невразумительны и путанны. Возможно, связано это с тем, что строительство, успешно начатое явно еще при жизни святителя Тихона, по успении его, приносило матушкам лишь огорчения. Как сказано у епископа Макария, «храм, со многими трудами и препятствиями, едва достиг окончания».

Сказалось, в том числе, и неблагожелательное отношение Орловских светских властей к общине на Каменной горе, проявившееся в конце XVIII столетия. Орловское наместничество было создано 21 января 1779 года. В его состав вошел и город Елец с уездом. А 6 мая 1788 года именным своим указом Екатерина II произвела передел епархий в соответствии с новым территориальным делением Российской Империи. На этом основании Святейший Синод указом от 17 мая того же года открыл самостоятельную Севскую епархию, считавшуюся до того Московским викариатством, и передал в ее состав все монастыри и церкви в пределах Орловского наместничества. С этого времени уже не от Воронежских, а от Орловских архиереев, чья кафедра до 1820 года, правда, пребывала не в Орле, а в Севске, стала зависеть дальнейшая судьба Знаменской обители в Ельце. И, возможно, именно епископ Орловский и Севский Аполлос (Байбаков), занимавший кафедру в 1788-1798 годах, спас каменногорскую общину в Ельце от расформирования.

В «Очерках истории Елецкого уезда» Н. А. Ридингера сказано, что в 1795 году «Орловский наместник, приехав в Елец, приказал забрать справки о монахинях (живших на Каменной горе) и указом того же 1795 г. 10 октября за № 24121 велено монахинь разогнать и строения сломать. Но приказание это осталось без исполнения». Матушки были уверены, что очередная беда минула их стороной лишь благодаря небесному о них представительству святителя Тихона, так много сделавшего для устроения их обители во дни земной жизни своей. Сказалось, конечно, как считает о. Геронтий, и заступничество «других бого любивых влиятельных лиц».

Попытка управителей Орловского наместничества ликвидировать общину на Каменной горе оставила след в истории не только самим фактом, но и документами, позволяющими составить определенное представление о сестричестве, коим руководила Матрона

Солнцева. Как сообщают историки обители, «по спросу Орловского наместничества» в августе 1795 года составлен был «регистр», в который были включены сведения о Знаменской общине. Согласно этому документу, «на Каменной горе, при церкви Знамения Пресвятой Богородицы» «по усердию своему к безмолвию» «жительство имеют 41 старица под управлением начальницы». «Питаются своими трудами и милостынным подаянием».

Проживали «старицы» в 21 келии, или «жилом покое». Все келии числились построенными «собственным коштом». Само же существование общины «в прежде бывшем девичьем монастыре» объяснено позволением «бывших при Елецком экономическом правлении присутствующих: господина полковника Ивана Ивановича Кондырева, подполковника Афанасия Васильевича Чикина, выполнивших просьбу о матушках «бывшего господина Воронежского преосвященного Тихона».





Возрожденный попечением ельчан

Ишло еще 10 лет и, наконец, в строящемся каменном храме освящен был первый престол. Произошло это в 1805 году. Полное же освящение храма совершено было 4 октября 1813 года благословением преосвященного Досифея (Ильина), епископа Орловского и Севского.

По освящении храма правящий архиерей принял ряд мер к устроению внутренней жизни общины молитвенниц на Каменной горе по иноческому уставу. Так, по его настоянию, начальница общины — Матрона Солнцева — приняла постриг.

Как сообщает епископ Макарий: «Матрона, по указу из орловской духовной консистории, вследствие резолюции Орловского епископа Досифея 1815 года, ездила в Севский Троицкий женский монастырь и там приняла рясофорное пострижение с именем Маргариты».

Епископ Орловский и Севский Досифей (Ильин), освятивший в 1813 году новопостроенную каменную церковь с главным престолом во имя Курской иконы Божией Матери, именуемой «Знамение», неспроста два года спустя особой резолюцией определил управительнице Каменногорской общины Матроне Солнцевой, формально остававшейся в мирском звании, принять монашеский постриг. Дело в том, что попечением правящего архиерея и хлопотами ельчан появилась возможность наконец-то во-

зобновить некогда упраздненный Знаменский девичий монастырь в Ельце. А значит, надо было соответствующим образом приуготовить к этому девичью общину Каменной горы.

Как раз в 1815 году «Елецкий градский голова купец Иван Васильевич Шапошников с прочими елецкими почетными гражданами от дворян купцов и мещан, числом до 64 человек, подали прошение на имя Его Преосвященства преосвященного Досифея, епископа Орловского и Севского и Кавалера, в коем они...» прошли правящего архиерея поддержать перед Синодом их прошение о возвращении статуса монастыря общине молитвенниц, подвизавшихся на Каменной горе.

Просьбу свою знатные люди елецкие аргументировали тем, что община из вдов и сирот «ради безмолвной жизни», собравшаяся на месте сгоревшего некогда, а потому и упраздненного монастыря, стала весьма велика числом.

Вокруг все еще числящейся приходской церкви на Каменной горе к тому времени выстроено было более 40 келий, в которых спасались от суэты мирской «человек до 60». Но главное: «они все руководствуются по единодушному согласию правилами прочих монастырей, снискавая пропитание как своими рукodelьями и другими полезными занятиями, так паче усердным благотворением Елецких жителей».

Обещали просители не оставлять каменногорских матушек благотворением и далее. Так, сам И. В. Шапошников дал обязательство внести на счет будущей обители около 12 тысяч рублей серебром. Прихожан же с Каменной горы авторы прошения рекомендовали приписать к располагавшейся поблизости Христорождественской церкви.

И 31 января 1816 года последовал указ Орловской духовной консистории за № 88, запрашивавший от Елецкого духовного управления официального подтверждения того, что сообщалось в прошении «мирян». Затем последовало «выправление» необходимых «бумаг», временно приостановившееся из-за смены правящих архиереев. 22 июля 1817 на кафедру Орловскую и Севскую поставлен был поставлен епископ Иона (Павинский). При нем и был фактически окончательно решен вопрос о возобновлении Знаменского монастыря.

В «1818 году, — как сообщает о том иеромонах Геронтий, — от разносословных почетных жителей города Ельца — за собствен- норучным их подписом последовала о том официальная просьба в Св. Синод, который тогда же, через господина Министра Духов- ных дел и народного просвещения, всеподданнейше поверг при своем докладе прошение ельчан на всемилостивое воззрение Все- пресветлейшего Державнейшего Великого Государя императора и Самодержца Всероссийского Александра Павловича».

К прошению прилагались справки, собранные «Синодом по- средством Орловского епархиального и гражданского начальства по сему предмету».

Из этих документов следует, что деревянная церковь Рожде- ства Богородицы, сооруженная на пожарище в 1771 году, воз- можно, была упразднена с началом богослужения в строившемся каменном храме. Хотя еще и стояла неразобранной. Приложен- ные к направленной в Синод просьбе справки упоминают на Ка- менной горе лишь Знаменскую «приходскую церковь» с тремя приделами и колокольней «каменного здания». Причем, уже полностью строительством завершенную. «Оная церковь состоит в твердости; церковным благолепием довольно украшена; священ- ноцерковнослужительскими облачениями, книгами и утварью цер- ковною снабжена неоскудно; и покрыта железом».

«Под церковью и под кельями земли одна десятина 219 квадрат- ных саженей, — цитирует далее не сохранившиеся до наших дней документы о. Геронтий. — Келий устроено 46, а живущих в них разного звания вдов, девиц и сирот находится 117, и из коих мно- гия имеют от своих начальств увольнения и в том числе показаны четыре монахини; препятствий от гражданского правительства к учреждению на сем месте женского монастыря не оказалось».

На содержание будущего монастыря купцом Шапошниковым к тому времени уже внесены были в сохранную казну Московского воспитательного дома на вечное обращение 38 тысяч рублей ас- сигнациями (почти те самые 12 тысяч серебром, в пересчете по курсу). Деньги были положены с расчетом, что проценты с них составят 1900 рублей в год и дадут возможность выделять на со- держание двух священников и двух причетников 600 руб., а ос- тальные «обращать на содержание монастыря». Сверх того дру-

гие купцы согласны были «внести в пользу того же монастыря 1745 рублей, когда потребуется».

Руководство Орловской епархии, поддерживая обращение к Синоду и Императору, обращало внимание на то, что женских монастырей 3-его класса на подведомственной кафедре территории имеется всего два, в Орле – Введенский, да в Севске – Троицкий. Причем, на их содержание казна тратит ежегодно около 900 рублей на каждый. Таким образом, выделенного Шапошниковым для обители такого класса будет более, чем достаточно. Подводя итог, Орловская духовная консистория замечала, что считает все выше-перечисленное «довольным основанием к восстановлению женского монастыря», и для лучшаго «в душеспасительной жизни устройства и призрения вдов и девиц, полагает учредить сей бывший Елецкий монастырь по-прежнему и в нем иметь монашествующих такое число, какое положено в третьеклассных женских монастырях, т. е. 17, с производством... жалованья из числа процентов со внесенного капитала».

Синод против предложенного также возражать не стал, указав быть на Каменной горе «штату монахинь... согласно с предположением Орловского Епархиального начальства, положенного в третьеклассных женских монастырях, т. е. Игуменье, Казначее и 15 монахиням; существовать оному на праве общежития». А вот 1900 рублей Синодом были распределены не совсем так, как предполагали ельчане. «Имеющим быть при церкви сего монастыря двум священникам и двум причетникам определить в жалованье 900 рублей, из коих по 300 рублей получать священникам, а по 150 рублей – причетникам, так как при церкви других выгод, содержание их обеспечить могущих и даже земли не имеется». «Оставшиеся затем проценты со взнесенными в сохранную казну капитала – 1000 рублей – обратить на содержание и в пользу общежития монастыря по распоряжению игумении».

Государь-император находился в то время за рубежом, в Италии. Туда, в Верону, и были доставлены документы по Знаменскому монастырю. Ознакомившись с ними, Государь начертал: «Быть по сему. Александр. Верона, октября 28, 1822 года».

А 18 декабря того же года, за № 7524 вышел указ Святейшего Синода, сообщавший о возобновлении Елецкого Знаменского де-

вичьего монастыря как общежительного, 3 класса.

Претворять в жизнь положения этого указа довелось уже епископу Орловскому Гавриилу (Розанову), вступившему на кафедру 18 сентября 1821 года.

Указом Орловской духовной консистории от 26 Марта 1823 года за № 850 настоятельницею нового монастыря была назначена игумения Глафира (Таранова). Что же касается рясофорной монахини Маргариты (Солнцевой), управлявшей общиной ранее, то, как замечает епископ Макарий, игуменский жезл не был ей вручен «по старости ее лет». Но, по открытии монастыря в г. Ельце на Каменной горе, была она удостоена пострижения в мантию, «с переименованием Олимпиадою».

Иеромонах Геронтий также сообщает, что: «преосвященный епископ Гавриил, избрав по своему усмотрению в Орловском Введенском женском монастыре более достойную по духовной жизни и опытную в житейских делах монахиню Глафиру, находившуюся до сего в должности казначеи означенного монастыря, озабочился немедленно послать оную с производством ее в сан игумении в новоучрежденный Елецкий Знаменский девичий монастырь».

Игумения Глафира происходила из семьи орловского посадского человека Феодора Таранова. Родилась в 1763 году, во святом крещении наречена была Гликерией. В монашество с именем Глафиры пострижена 8 мая 1804 года в Орловском Введенском девичьем монастыре. Проходила клиросное послушание. В 1812 году была назначена на должность казначеи Введенского монастыря. К моменту назначения в Елец уже имела и опыт настоятельского управления, так как с 15 марта по 14 июля 1821 года, за болезнью



*Император Александр I,
в 1822 году подписавший указ
о возрождении Каменногорья*

настоятельницы — игумении Анисии, управляла Введенским монастырем.

При переезде в Елец игумении Глафире разрешено было взять с собой «пожелавших» матушек из Введенской обители. И с ней «выехали из Орловского Введенского в Елецкий Знаменский девичий монастырь девицы: Матрона Иванова, Татьяна Игнатова, Дарья Никифорова, Надежда Осипова и вдова Мария Иванова, дочь Савушкина».

По прибытии же на место назначения велено было новопоставленной настоятельнице «взойти самым бдительнейшим образом в рассмотрение состояния всех тех жен и девиц, живших доныне на месте учрежденной обители и отрапортовать которая из них найдутся желающими тут остаться и притом и достойны». А также — «из числа сестер, уже указом определенных, избрать с общаго согласия казначею и на утверждение представить». Но из сестер, бывших на Каменной горе, подобрать подходящую ответственной должности, видимо, не удалось и 31 декабря 1823 года Знаменской казначеей, указом Орловской духовной консистории № 3985, назначена была монахиня Анфия, переведенная из Севского монастыря.



С открытием штатного монастыря на Каменной горе здесь уставилось церковное чиноположение, сложилась определенное и самая иноческая жизнь. Были совершены первые постриги. Согласно Высочайше утвержденному 28 октября 1822 года штату, определено было Знаменскому монастырю 17 мест — 15 монахинь, казначея и игумения.

И первой заботой игумении Глафиры, как сообщает отец Геронтий, было «придать вид благолепия и внушительности взамен господствовавшей здесь во всем крайней простоты и недоконченности». Вместо обветшавшей деревянной начали строить вокруг обители новую каменную ограду «с башнями по углам и воротами по сторонам». Для ограды этой елецким купцом Ходовым было пожертвовано в монастырь 10 000 кирпича. Тогда же на западной

стороне заложена была новая колокольня со святыми вратами под аркой. Настоятельной необходимостью была и разборка в конец обветшавшей старой, после пожара поставленной, деревянной церкви во имя иконы Божией Матери «Знамение». «Само собой становится понятным, что такое сложное дело, как устройение внутреннего и внешнего благоустройства св. обители, требовало... немало зрелых соображений, нравственных сил и материальных способов к довершению» — замечает по этому поводу о. Геронтий.

К сходным выводам пришло и епархиальное начальство, ознакомившись с состоянием дел на месте. «Преосвященный Гавриил, епископ Орловский и Севский, обозревая свою Богоспасаемую епархию и бывши в г. Ельце, нарочито посетил между прочим и новооткрытый Знаменский девичий монастырь — на Каменной горе», — сообщает нам «Историческое описание...». Владыка усмотрел немаловажные неисправности и обветшалость в зимней церкви. Ему не понравился также и «фасад только что оконченной кладкою колокольни, как несоответствующий месту». Игумении Глафире велено было немедленно «разобрать оную до основания». Как явствует из дальнейшего, колокольня, видимо, была построена из-за скучности наличных средств, действительно, слишком уж неказистой.

То что требование архиерея было не просто начальственной придиরкой, а именно попечительной заботой о лучшем устройстве нового монастыря, свидетельствует указ Орловской духовной Консистории за № 5122, подписанный епископом Гавриилом в 1827 году. Епархиальное управление взяло на себя заботу об исходатайствовании из Орловской строительной комиссии новых планов и проектов фасадов «как для постройки новой, более приличной колокольни, а равно — и для возведения в обители других необходимых зданий служб».

Ввиду же «материальных недостатков и затруднительного положения дел в обители, благожелательный архипастырь пригласил тогда добрых елецких граждан участливо содействовать благоустройению ее посильными своими благотворителями».

Более того, «ввиду таковых трудностей», преосвященным Гавриилом, епископом Орловским и Севским, указом Орловской ду-

ховной Консистории от 25 Октября 1827 года за № 4533, предписано было игумении Глафире: «Принять ей в помощь для управления своего бывшую начальницу монахиню Олимпиаду, к которой граждане елецкие не малое имеют доверие, и совместно с тою производить в обители исправление как церкви Божией, так и всего того, что к ней и к обители относится».

И следующий архиерей – Никодим, назначенный на Орловскую кафедру 15 июля 1828 года, не оставлял попечения о созидающемуся в Ельце женском монастыре на Каменной горе. Так, он однозначно принял сторону каменногорских инокинь в конфликте их с экономическими крестьянами, жившими на Каменной же горе за «сухим лучком». Противясь сооружению новой ограды вокруг монастыря, крестьяне, привыкшие пользоваться долгое время остававшимися здесь «ничейными» землями, «не допускали даже нанятых рабочих людей» к работе по возведению ограды. На рапорт об этом игумении Глафиры последовал указ Орловской духовной Консистории от 5 ноября 1829 года за № 4533 с просьбой к Орловскому гражданскому губернатору защитить матушек от мирских обидчиков. И дело было благополучно уложено.

А спустя два года по разрешении в пользу обители всех печальных обстоятельств пришли к концу дни земной жизни благословленной святителем Тихоном первоустроительницы нового Каменногорского женского монастыря – блаженной монахини Олимпиады.

Скончалась она мирно 3 сентября 1831 года, пожив богоугодно 82 года. Могила старицы Олимпиады находилась против главного алтаря церкви Знамения Пресвятой Богородицы. На гробницу была положена чугунная доска с надписью: «Здесь покоятся прах монахини Олимпиады – основательницы, впоследствии Начальницы, сего Елецкаго женского монастыря, родившейся 1748 г. 25 марта, а Божию волею умре 1831 г. 3 сентября в 5 часов утра; жития ея было 82 года 5 месяц. и 7 дней; в монастыре поступила 22 лет, из рода Елецких граждан Солнцевых».

Уход в мир иной матушки Олимпиады, пользовавшейся большим и искренним почитанием со стороны земляков-ельчан был серьезной потерей для игумении Глафиры. К счастью оставались с настоятельницей единодушные ей сестры и верные помощницы в

лице распорядительных монастырских казначей, последовательно занимавших эту должность: Анфии, Македонии и Анатолии. Причем, монахиня Македония из Севского Троицкого монастыря проявила себя столь деятельной, что в 1831 году переведена была обратно «из Знаменского Елецкого в Севский женский монастырь настоятельницею, с посвящением ее в сан игумении».

Духовным же центром обители была скромная, даже убогая келья старицы Мелании, спасавшейся здесь с осени 1778 года. В ночь на 11 июня 1836 года окончила строгую, подвижническую земную жизнь свою затворница Елецкого Знаменского монастыря Мелания. Матушка Мелания, неоднократно ходившая в Задонск за благословением к святителю Тихону, как рассказывает предание, в Задонске же получила пострижение в схиму с именем Миропии. «Ее жизнь и наставления были того же духа, каким был проникнут Задонский отшельник: она не только учила богоугождению, но и посыпала избранные натуры для деятельного служения ближним», — замечает по этому поводу П. В. Никольский.

А в году следующем подошло к концу и четырнадцатилетнее управление монастырем Знаменским благочестивой игуменией Глафиroy. За эти годы выстроена была здесь большая каменная трапеза, расширившая Знаменский храм. В нижнем этаже ее была устроена теплая церковь «о двух престолах». «А до того времени на Каменной горе не было теплой церкви, — особо подчеркивает о. Геронтий, — и многотерпеливые труженицы во время зим слушали все службы церковные в холодном храме».

Игумения Глафира была уволена от должности настоятельницы в 1837 году, «вследствие ее прошения, по болезненной старости... с дозволением иметь жительство на Каменной горе». Усердием елецкого почетного гражданина Русанова здесь была ей построена собственная келья, и от него же ей оказывалась помощь на содержание. Сообщается, что «перед кончиною своею игумения Глафира два года провела на покое, в молитве и терпении разных скорбей, и Господь возвзвал ее от временных страданий на вечный покой 26-го декабря 1839 года».

Скончалась игумения Глафира на 76-м году от рождения. Тело ее погребено было на правой стороне Знаменского храма, за алтарем придела в честь святителя Димитрия Ростовского. Гробни-

цу, как тогда было принято, увенчала чугунная доска с надписью: «Усердием Елецких граждан возложена над гробом первой игумении Глафиры в память ее благочестивой кончины, доброты, кротости и терпения в жизни. Настоятельствовала с 25 Марта 1823 по 26 Марта 1837 г.». «Благочестивая жизнь игумении Глафиры, кротость нрава и миролюбивое ее управления незабвены для тех, кто знал ее», — сказано в «Историческом описании...» Каменнопорской обители.

По увольнении на покой первой игумении Глафиры, в 1837 году, в Елецкий Знаменский женский монастырь поставлена была настоятельницей с производством в игумении насельница Севского Троицкого женского монастыря монахиня Павлина.

Новопоставленная игумения была уроженкой села Лугань Севского округа. Происходила из духовного звания, будучи дочерью причетника И. А. Толстого. Во святом крещении имя ее было Пелагея. Монашеский постриг принял 11 июня 1821 года в Севском Троицком девичьем монастыре с именем Павлины.



И с 1837 по 1867 год Елецкая Знаменская обитель пребывала под управлением «умной и бдительной игумении Павлины».

Как сообщает отец Геронтий, она «в течение тридцатилетнего своего управления довершила все то, что Промысл Божий предначертал быть к пользе и благоустройству юной обители».

Прибыв в Елец, новопоставленная настоятельница, «истребовав новые планы и фасады от строительной губернской комиссии, приступила к окончательному довершению собственными способами всего того, что было уже отчасти начато ее предместницею». Ведь, благословляя игумению Павлину на настоятельское служение в Ельце, Орловский епископ Никодим особенно обратил ее внимание на необходимость скорейшего устройства недостроенной каменной ограды вокруг монастыря и введения в нем более строгих правил, по чину монастырскому.

Уже в 1837 году оштукатурена была заново внутри нижняя теплая церковь. А в правом ее приделе постановлен был новый

деревянный украшенный резьбой и позолотой иконостас, устроенный усердием купеческой жены Е. В. Хомовой. В следующем, 1838 году, 23 апреля, придел этот был торжественно освящен настоятелем Елецкого Троицкого мужского монастыря архимандритом Флавианом во имя святителя Христова Митрофана, Боронежского чудотворца.

По завершении работ в теплой церкви начат был капитальный ремонт главной летней трехпрестольной Знаменской церкви с ее трапезною. Тогда же для обновляемой церкви приобретены были сребропозлащенные священные сосуды, ковчеги, Евангелия, напрестольные кресты, ряд икон, парчовые облачения клира и прочее, необходимое для благолепия богослужения. Узнав об этом, помещица Елецкого уезда Е. И. Тарасова 5 марта 1844 года пожертвовала в Знаменский храм икону «со вделанным в средину ее животворящим серебряным крестом, в коем имеются частицы мощей разных святых угодников Божиих». И далее, как принято было в то время на Руси, работы велись как на собственные средства обители, так и при активном участии доброхотных жертвователей.

В 1844 году достроена была вокруг всего монастыря каменная ограда «в 9 аршин вышины», с четырьмя башнями по углам и с «въездами воротами с трех ее сторон». По замечанию отца Геронтия: «Особенно превосходно устроен с южной стороны монастыря, в виде широкой лестницы с перилами, каменный сход с горы к святому колодезю монастырскому, дающему превосходную воду».

С почитанием этого исходища вод благодатных связано монастырское предание, приведенное в «Жизнеописании девицы Мелании...» епископом Макарием: «затворник Иоанн [Сезеновский] присыпал на Каменную гору своего послушника просить себе для исцеления от болезни воды из монастырского колодезя. Уважая его просьбу, игумения Павлина сама ходила почерпать воду из колодезя и отослала ему».

Тем временем трудами и молитвами насельниц, помощью благодетелей работы продолжались. Стены Знаменского храма и внутри, и снаружи были оштукатурены. Полы перестали заново и покрасили. В главном алтаре обветшалый иконостас был заменен на «новый, столярной работы, золоченый с резьбою». Одновременно

и в боковых двух приделах иконостасы были «поновлены». Сменили и кровлю летней церкви, перекрыв храм листовым железом, окрашенным впоследствии «медянкою на масле». Главный купол Знаменского храма увенчал укрепленный на яблоке золоченый крест. Такие же кресты были установлены и «над фронтонами с трех оконечностей верха церковного».

Наконец, после 1854 года все работы были завершены и в обновленном храме, как сказано о том в «Историческом описании...», совершено было положенное по чину церковному малое освящение. Главный престол вновь посвящен был честной иконе Пресвятой Богородицы «Знамение». Правый придел освятили во имя святителя Христова Димитрия Ростовского, а левый – во имя преподобного Варлаама Хутынского. В приделе этом пребывала и чтимая ельчанами икона преподобного, содержавшая частицу мощей святого. А с 1861 года придел этот посвящен был также и новопрославленному святителю Христову Тихону, епископу Воронежскому, чудотворцу Задонскому.

Увенчало масштабные труды по благоустройству Знаменского монастыря на Каменной горе возведение «в западной стороне», на самом возвышенном месте, «прекрасной архитектуры каменной, с тремя пролетами колокольни, со шпилем из белой английской жести, увенчанным золотым яблоком и крестом».

Сооружение колокольни завершено было в 1861 году. Под колокольнею, в арке, устроены были святые ворота, чрез которые, по свидетельству отца Геронтия, и выходили следовавшие вокруг монастырской ограды «в положенные уставом дни крестные ходы».

Как сообщают елецкие краеведы В. Горлов и А. Новосельцев, известно, что «часть стен и колокольня монастыря» строились по проекту, подписанному петербургским архитектором И. И. Шарлеманом «в 40-х годах XIX века». Привлечение столь славного на Руси архитектора, автора первоначального проекта храма Христа Спасителя в Москве, многих столичных и губернских храмов, свидетельствует о том, сколь большое попечение имела игумения Павлина об устроении вверенной ее руководству обители.

Колокольня на Каменной горе, видимая со многих точек Ельца, стала одним из архитектурных его центров. Отдаленных городских окраин достигал благовест монастырской звонницы. На



Знаменский монастырь во времена правления игумении Павлины

колокольне, к моменту составления отец Геронтием «Исторического описания...» было 10 колоколов «разных размеров и весу», размещенных в верхнем ярусе. Главный колокол имел вес 179 пудов. На нем была следующая надпись: «Колокол этот отлит на чугунолитейном заводе братьев Криворотовых в г. Ельце, при Благочестивейшем Государе императоре Александре II, 1862 г. Ноября 20 дня, старанием игумении Павлины, по благословению преосвящ. Поликарпа, епископа Орловского и Севского». На поверхности колокола изображены были икона Божией Матери «Знамение», святители Христовы – Николай Мирликийский, Митрофан и Тихон Воронежские, а также – преподобный Варлаам Хутынский. Второй по размеру и голосистости колокол имел вес 60 пудов. Как и первый, отлит был в Ельце на средства «доброхотных дателей», но более чем двумя десятилетиями ранее – 31 августа 1838 года.

Искусны были монастырские звонарки. Вот что записал побывавший в Ельце очевидец: «А уж и колокола у нас! В театр не надобно. В институте была, в оперу ездила, но куда же опере!...

Нашему звону все монастыри в округе завидуют. Чистый, громкий, истинно металл славу Господу свидетельствует!».

Серьезные изменения претерпело в 30-летнее управление игуменией Павлиной благоустройство внутренней территории обители. От церкви и до келий игуменских выложены были плитами из цокольного камня широкие дорожки. Самые келии настоятельские были отремонтированы, а кроме того «выстроены были и другие необходимые здания и экономические службы, покрыты все железом и окрашены масляной краской».

Укрепилось и имущественное положение монастыря.

В 1854 году с Высочайшего соизволения, приобретено монастырем от казны 100 десятин «в Вотковской даче». А в 1866 году 12 февраля старанием игумении Павлины, «с разрешения министра Государственных имуществ, еще отрезано было из казенных дач 50 десятин земли, находящейся в Злобин-Воргольской даче Елецкого уезда».

Как справедливо указывает на то отец Геронтий: «Монастырь Знаменский как внутренним своим чиноположением, так и внешним благоустройством весьма много обязан старательной и благожелательной досточтимой игумении Павлине».

И труды настоятельницы Каменногорья незамеченными не оставались. «За ревностное, долгое и полезное служение обители Знаменской» игумения Павлина по указу императора награждена была наперсным крестом.

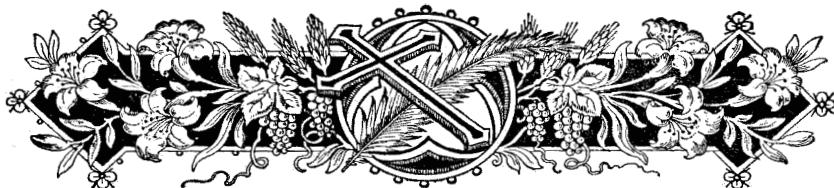
Но, за заботами о внешнем обустройстве обители игумения Павлина не оставляла забот и о главном – внутреннем, духовном, устроении иноческой женской обчины. «Она примером своей благочестивой жизни сумела воспитать духовно вверившихся ее мудрому водительству к вечной жизни сестер, а с тем вместе сумела взвысить дух и положение самой Каменногорской обители, в среде которой благим светочем горела она, и навсегда оставила по себе добрую и незабвенную помять», – такими словами заключает рассказ о 30-летнем управлении игумении Павлины историк Знаменского монастыря.

В монастырской библиотеке до революции бережно сохранялась рукопись под названием «Скитский Патерик». Эта объемистая книга «в лист большого формата», писанная церковно-устав-

ным шрифтом «с киноварью», была одним из плодов долголетнего собственноручного труда игумении Павлины, даже в редкие часы свободные от молитв и забот по управлению монастырем не позволявшей себе пребывать в праздности. Каллиграфически переписывая душеполезные книги, игумения Павлина, видимо, дарила их на молитвенную память благотворителям Знаменского монастыря.

Так, на заглавном листе книги, сохранившейся в Каменогорской библиотеке, между виньетками имелась надпись: «Сия книга «Патерик Скитский», слова душеполезные Препод. Отец и Богоносных мужей, списана с настоящей печатной книги рукою грешной старицы Павлины. 1835 года». Из прочих пояснительных надписей следовало, что дарована была эта книга «благочестивому мужу Ивану Семеновичу Ильину», а спустя многие годы, в память о почившей игумении Павлине, 17 февраля 1870 года вновь возвращена в обитель И. С. Ильиным, 2-й гильдии купцом из города Рузы.





Завершая век XIX

Год 1867-й стал завершающим в «долгом и изобильно плодоносном» управлении обителью игуменией Павлиной. Потрудившись со всем усердием на пользу вверенного ее попечению Каменногорского Знаменского монастыря ровно 30 лет, расстроив свои физические силы, игумения Павлина с разрешения епархиального начальства уволилась на покой от должности настоятельницы, «чтобы в уединении вполне приготовить себя к исходу в вечность».

На место ее указом Орловской духовной консистории от 23 февраля 1867 года назначена была игумения Клеопатра.

Новая настоятельница Каменногорья, урожденная Головачева, происходила из дворянского рода. Вступила на путь иноческий по благословению старца Глинской пустыни иеросхимонаха Анатолия (Скубырина), называемого благоговейным (память – 30 ноября).

Когда она была в миру девицей, то посетила келию иеромонаха Амфилохия (таково было имя о. Анатолия до принятия им схимы), коему, как умудренному опытом жизни и подвигов, вверено было исповедовать посещающих пустынь богомольцев. Выслушав юную дворянку, старец сказал: «Тебе надо идти в монастырь, благословляю быть монахиней и игуменией в том же монастыре». И слово прозорливого подвижника исполнилось. С 1844 года пребывала Головачева на послушании в Севском Троицком девичьем монастыре, где 7 августа 1856 года и была пострижена в монашество. Уже через 2 года здесь же возведена была в сан игу-

мении. А спустя еще 4 – пожалована наперсным крестом за ревностное и полезное служение.

Но слабо тело человеческое... Болезни стали одолевать игумению Клеопатру. И в 1866 году она переведена была на покой в Брянский Петропавловский девичий монастырь. Откуда, после поправки здоровья, согласно указу преосвященного Поликарпа (Радкевича), епископа Орловского и Севского, она и отправилась в Елец весной 1867 года.

В помощь новой управительнице учрежден был совет обители. В этот совещательный орган помимо самой настоятельницы входили казначея и четыре старших сестры. Наблюдение же за делами Знаменского монастыря поручено было настоятелю Елецкого Троицкого мужского монастыря архимандриту Флорентию, который и определен был «благочинным над женскою Елецкою обителью».

Как сообщает отец Геронтий, игумения Клеопатра «вступив вправление вверенной ее попечению обители... усмотрела, что многие из прежних построек монастырских от времени значительно уже пообветшали и требовали неотложной поправки. А потому, испросив разрешение у епархиального начальства [рапорт от 23 мая 1870 г. – Л. М.], матушка Клеопатра с помощью Божией немедленно приступила к исправлению обветшавших и к возведению в обители новых, вызываемых необходимостью... зданий».

Забота и внимание игумении Клеопатры, как повествует о том история обители, «прежде всего остановились на летнем храме Божием». Здесь «переправлена была заново обеташая светлая галерея над каменным крыльцом, вводящим с западной сторо-



*Игумения Клеопатра.
Прижизненный портрет.*

ны каменною же лестницею в верхнюю церковь. Потолки и самая железная крыша над галерею были перекрыты; рамы оконные со стеклами поделаны вновь».

Помимо необходимого ремонта, принятые были меры к посильному украшению храма Божиего. Внутренние стены церкви были окрашены масляной краской «под кирпич», а по сторонам западных храмовых врат изображены были святые первоверховные апостолы Петр и Павел, впереди же их – ангелы, «кои в рост человека стоят со свитками в руках, как бы записывающие усердие к молитве входящих и исходящих из храма Божия».

Но не менее, если не более, внимания уделяла игумения Клеопатра духовному устроению обители, водворению мира и любви меж сестрами. И труды ее здесь напрасными не были. Засвидетельствовал это, например, писатель В. И. Немирович-Данченко, в начале 1870-х годов посетивший ряд российских монастырей и издавший путевые очерки. Вот что довелось услышать ему в Елецком Знаменском монастыре от письмоводительницы Варлаамы: «Да такого монастыря, как наш, в другом месте-то и не найдешь! Поэтому у нас все по согласию. Един паstryр – едино стадо. Ни противления, ни смуты нет». А причиной тому то, что: «Ангельского характера наша мать Клеопатра. У нас все к ней стремятся, как пчелы к меду!»

Сообщенное писателем подтверждают и документы. Так, когда в 1871 году вновь ослабевшая здоровьем игумения Клеопатра попросилась на покой и получила разрешение епархиального начальства, сестры единодушно тому воспротивились.

Вот как сказано об этом в «Историческом описании...»: «В 1871 году игумения Клеопатра просила об увольнении от должности настоятельницы по слабости здоровья, на что резолюция Его Преосвященства последовала такая: «*По сему прошению игумению Клеопатру уволить от должности настоятельницы Елецкого Знаменского монастыря с перемещением на жительство в Калужскую епархию, в Казанскую общину. Апреля 19 дня за № 2276*». Но вследствие поданного сестрами Елецкого монастыря прошения на имя Преосвященного Макария, епископа Орловского, она оставлена была здесь на должности настоятельницы. На сие резолюция Его Преосвященства последовала такая: «*По сему проше-*

нию игумению Клеопатру оставить настоятельницею Елецкого Знаменского монастыря с призыванием благословения Божия на продолжение служения сестрам, упросившим ее остаться в Елецком монастыре. Мая 11 дня 1871 года” .

Опорой настоятельнице в благодатных трудах ее по лучшему устроению жизни в девичьей общине были не только опытные монахини, но и совсем молодые, горячность сердец искренность веры которых позволяли им идти по пути спасения в ногу с умудренными годами старицами.

И первой среди равных на Каменногорье была, пожалуй, в те годы София Иванова, с 1862 года проживавшая в обители в келии, построенной для нее благодетелями.

В формулярном списке за 1868 год о ней сказано кратко: «София Михайловна Иванова, 41 года, определена в монастырь 11 июня 1866 года, облечена в рясофор 11 июля 1867 года». За сухими строками формулярной записи осталось главное, о чем многие узнали лишь после блаженной кончины подвижницы: «Служб церковных не пропускала, знакомых по монастырю не имела и по чужим келиям не ходила; знала только своею келию и храм Божий, благоговейно стояла на молитве и непрестанно оплакивала грехи свои; для бедных всегда была доступна и делилась с ними последнюю копейку. Спала она на досках, а подушкой служил камень, покрытый войлоком; жила без прислуги и келию топила только для того, чтобы не замерзнуть».

Следуя стезей монашеской, София Иванова руководствовалась советами святителя Феофана, Затворника Вышенского, с коим поддерживала переписку. И руководствовалась так, как и положено решившему облечься в одежды иноческие — полностью оставив волю свою.

Приводя жизнь Софии в пример одной из духовных дочерей, святитель писал, что из Ивановой, вполне светской девицы, «вышла огневая монахиня». «А все от веры и решения... Ибо решившись однажды, она не ворочалась назад, даже помыслами», — подчеркивает свт. Феофан.

Будучи по тем временам высокообразованной, кроме послушаний по церкви, София исполняла «послушания письменные» по поручению игумении: составляла поверку формулярных ведомос-

тей, переписывала сами ведомости; а главное – собирала сведения о почившей в монастыре блаженной затворнице Мелании. И, думается, пример достойной предшественницы, во всей яркой своей полноте открывшийся Софии из рассказов о великой елецкой затворнице, немало поспособствовал тому, что и она воспылала негасимым пламенем истинной Веры.

Заметим, что обширные материалы, подготовленные Софией Ивановой, в итоге легли в основу написанного епископом Орловским и Севским Макарием (Миролюбовым) «Жизнеописания девицы Мелании затворницы», впервые опубликованного в «Страннике» за 1871 год.

«Пред кончиною же в болезни» София Иванова, до того не дерзавшая, по смирению, принять монашеский постриг, тайно пострижена была в мантию и схиму под именем Магдалины». После напутствования Святыми Таинствами она скончалась 1 апреля 1869 года.

Истек отмеренный Господом срок земного бытия тела *огневой монахини*, в течение которого она «достигла чего только желала для спасения души своей». И, видимо, совсем не случайно, спустя 8 лет по окончании земной жизни матушки Магдалины, святитель Феофан, один из великих святых мужей XIX столетия, напишет следующее: «Какая живая душа... эта Магдалина! Удержи нет. Такую Бог дал ей благодать!»...

А в 1870 году сестричество обители на Каменной горе прощалось с оставившей мир сей игуменией Павлиной. Скончалась она 13 июля, «на 73 году жития своего». Погребена была с левой сторо-



Схимонахиня Магдалина

ны, «у 3-го алтаря» Знаменской церкви. На надгробье опочившей настоятельницы была положена чугунная плита с надписью: «Здесь покоится прах старицы, бывшей игумении Павлины, родившейся 1798 г. 10 октября; сконч. 1870 г. 13 июля на 73 г. от рождения. Управляла обителью с 1837 по 1867 г.».

Спустя еще два года – в 1872-ом, изрядно обустроена была еще одна, до того весьма скромная, могила на монастырском кладбище. Стараниями почитателей над могилой затворницы Мелании на каменном фундаменте поставлен был «решетчатый или сквозной» чугунный памятник в виде малой часовни с дверью. Памятник венчал крест. Внутри «часовни» поставлена было «живописное распятие». Перед этим распятием, по сообщению отца Геронтия, и совершились впредь «во всяко время года... панихиды над прахом достоблаженной подвижницы о упокоении души ее со святыми».



Годы 1870-1880-е для Елецкого Знаменского монастыря оказались экономически не самыми легкими. Дававшее многим сестрам верный прибыток кружевоплетение перестало быть доходным из-за того, что не могло конкурировать с организованными местным купечеством кружевными артелями.

По словам одной из инокинь, записанным В. И. Немировичем-Данченко: «Город отбил все. Елецкие кружева теперь в Питер да в Москву шибко пошли, кажется на хлеб бы можно заработать, так нет...».

И такая ситуация весьма неблагоприятно сказывалась на благосостоянии особенно беднейших сестер, лишенных поддержки мирских родственников. Ведь, хоть и совершилось возобновление монастыря в 1822 году указом Святейшего Синода именно «как общежительного, 3 класса», на деле общежитие здесь отсутствовало. Возможно, причиной тому была популярность Каменного-рья, число насельниц которого уже в первые годы значительно превышало разрешенные по штату «игумению, казначею и 15 монахинь», общежитие которых финансировалось государственной

казной. Потому «сверхштатным» изначально приходилось надеяться только на себя да на помощь Божью и, по воле Еgo, являющее милосердие люское. Так что были в монастыре сестры богатые, были и бедные, зачастую, существовавшие лишь благотворительностью первых.

Причем, следует особо отметить, что пример благотворительности подавало само руководство весьма небогатой обители. Так в отчете от 4 марта 1873 года Орловского епархиального комитета Православного миссионерского общества сообщается, что «кроме денежных пожертвований в прошедшем 1872 г. в настоящем поступило вещами, через настоятельницу Елецкого женского монастыря, игумению Клеопатру: две священнические атласные ризы с серебренным позументом и прочие вещи и деньги».

И в дальнейшем, как сообщает о том отец Геронтий, «всечестная игумения Клеопатра много жертвовала от имени вверенной ее попечению обители Знаменской в пользу нужд отечественных. И эти приношения не остались незамеченными для епархиального начальства».

На рапорте канцелярии епархиального комитета Православного миссионерского общества от 1887 года 10 марта за № 91, об отсылке «по принадлежности» ризничных вещей «на сумму до 200 р.», пожертвованных настоятельницей Елецкого Знаменского девичьего монастыря игуменией Клеопатрой, епископ Орловский и Севский Симеон (Линьков) 10 марта 1887 года поставил следующую резолюцию: «Настоятельнице монастыря, игумении Клеопатре, выразить признательность Комитета за ее пожертвование, и независимо от сего, о пожертвовании ее и объявлении ей признательности пропечатать в «Орловских Епархиальных Ведомостях». Что и было сделано в № 8 «Орловских епархиальных ведомостей» за 1887 год.

Подобно церквам Македонским, о которых говорит во втором послании к Коринфянам апостол Павел, каменногорские сестры *среди испытания скорбями преизбиливали радостью и глубокая нищета их преизбыточествовала в богатстве их радущия*, ибо были они «*доброхотны по силам и сверх сил*» (2 Кор. 8, 2-3). А Господь вознаграждал инокинь-благотворительниц изливавшейся на обитель благотворительностью благочестивых мирян.

Елецкий купец В. М. Лавров в 1871 году на северо-восточной стороне монастыря внутри ограды обители выстроил для нужд ее двухэтажный деревянный на каменном фундаменте корпус. Здание было крыто железом и окрашено масляной краской.

В 1879 году елецким купцом, потомственным почетным гражданином Владимиром Хренниковым, пожертвован был монастырю участок огородной земли размером в 1 десятину 800 квадратных саженей. Располагался участок у ограды Елецкого Знаменского монастыря. Как сообщает о. Геронтий, «земля эта укреплена была за монастырем Высочайшим соизволением от 27 сентября 1879 года, в установленном порядке, по дарственной записи». На приобретенном участке устроено было новое монастырское кладбище, где погребались насельницы обители вплоть до начала века XX.

В те же годы крестьянин Рязанцев пожертвовал каменногорским сестрам участок земли, прилегающий к дарованному купцом Хренниковым. «Старательная игумения Клеопатра немедленно обнесла новоприобретенную частицу земли каменной оградой», — сказано в «Историческом описании».

Устроение обители и умножение ее достатка неустанными трудами игумении Клеопатры не остались незамеченными епархиальным руководством, ходатайствовавшим выше о награждении настоятельницы. И 1 апреля 1879 года за многолетнее и полезное служение матушки Клеопатра была «Всемилостивейше пожалована золотым крестом из кабинета его императорского Величества». А 4 августа 1882 года христолюбивая настоятельница удостоена знака Красного Креста за содействие общству Красного Креста в русско-турецкой войне 1877-78 годов.

В 1880-е годы немало трудов и средств в Знаменском монастыре положено было на поддержание ветшающих зданий и сооружений, а также - на устроение новых, потребных для содержания растущей обители. Ведь по некоторым данным общее число насельниц здесь в то время достигало 400.

В 1881 году с южной стороны монастыря устроены Святые врата, украшенные живописными изображениями «разных святых». Одновременно исправлены были каменные ступени, ведущие по южному склону вниз, к святому источнику. Ступени «на протяжении

всей горы были выложены из нового отесанного цоколя, с обводом цокольных же перил или стенок и чугунной решеткой, с двумя фонарными столбами на верху террасы».

А несколько лет спустя пришлось серьезно позаботиться об обновлении летнего храма. Тем более, что посетивший Елецкий Знаменский монастырь в 1885 году преосвященный Симеон, епископ Орловский и Севский, указал настоятельнице на то,

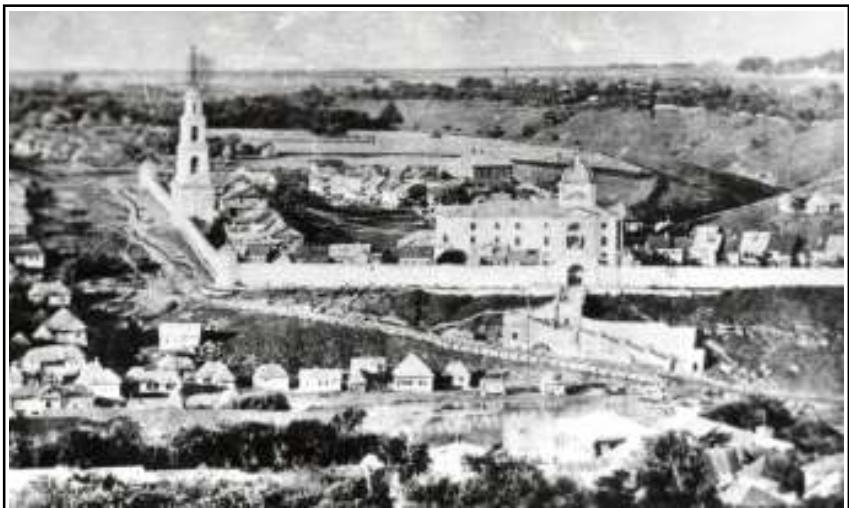
что «слишком потемневший летний храм требует поновления».

И летний храм внутри был не только заново окрашен светлопесочного цвета краской, но и расписан постенною живописью, изображающей картины из Священной истории, а также «превосходно украшен орнаментом».

Сохранилось весьма интересное свидетельство, что в притворе, отделяющем трапезу храма, с правой стороны от входа, на стене изображено было видение павшему ниц иеросхимонаху Серафиму Саровскому Божией Матери в золотом венце на голове, окруженной святыми женами. Это – еще одно свидетельство широкого почитания на Руси старца из Сарова задолго до официального его прославления в 1903 году.

Роспись летнего храма завершена была в 1886 году. Причем, второй ярус расписывали художницы из числа инокинь.

Искусство живописи имеющие к тому талант насельницы Каменногорья постигали в открытой с 1879 года живописной мас-



*Елецкий Знаменский монастырь на Каменной горе
в годы управления обителю игумении Клеопатры*

терской. Как сообщает В. И. Немирович-Данченко: «Ученицы здесь оказываются весьма способные. Без всякой предварительной школы пишут. Помогает им некто Вознесенский, из ельчан, болезненный молодой человек, тоже самоучка».

Среди учениц монастырской художественной школы способностями своими выделялись «суровая монахиня» Епифания и юная мастерица, «полуребенок» Эсфирь. Последняя — дочь директора чугунолитейного завода Холина — отличалась особыми способностями, имела задаток «крупного художника». Этим сестрам, а также и еще четырем, была доверена роспись «верхнего летнего храма» под руководством елецкого живописца П. А. Соколова. Заметим, что Петр Александрович был одним из потомков Филиппа Ефимовича Соколова, племянника святителя Тихона Задонского.

Обновленный трудами строителей и художников летний храм заметно похорошел и радовал взор тех, кто приходил сюда поклоняться Курскому образу Божией Матери «Знамение», славному чудесам, не раз явленными с тех пор, как принес его сюда из Курской Коренной пустыни первопоселенец Каменногорья — монах Савва-

тий. Учитывая особое почтение, проявляемое к святому этому образу как сестрами обители, так и простыми ельчанами, с 1884 года «по ходатайству игумении Клеопатры и с разрешения епархиального начальства» установлено было еженедельно совершать по средам в 10 часов утра соборный акафист «пред чудотворным образом Знамения Пресвятой Богородицы». Как сказано в «Историческом описании...» отца Геронтия: «За молебным пением сим возносятся усердные молитвы за царя и за все, иже во власти суть, а с тем вместе поминаются о здравии и о спасении имена благотворителей обители сея и все православные христиане».

Меж тем многие неустанные труды ослабили здоровье матушки Клеопатры. Она ослабела, потеряла зрение. Основные заботы по управлению обителью все больше ложились на плечи верных ее помощниц – казначеи, монахини Смарагды, и письмоводительницы Варлаамы. 27 мая 1888 года за труды на благо обители и Церкви Православной матушки Смарагда и Варлаама удостоены были благословения Святейшего Правительствующего Синода с выдачей соответствующей грамоты.

Варлаама была, как тогда говоривали, «из общества». В. И. Немирович-Данченко пишет: «Кончила курс чуть ли не в **Московском Елизаветинском институте**», хорошо знала французский и немецкий. Искушена была в архитектуре, что позволяло обители изрядно экономить на составлении дорогостоящих планов новостроек и реконструкций.

К сожалению, ни отец Геронтий, ни В. И. Немирович-Данченко не называют мирской фамилии письмоводительницы Варлаамы. Но, то, что ее имя исчезает со страниц «Исторического описания...» после 1889 года, позволяет обратить внимание на судьбу бывшей выпускницы **Московского Николаевского института Любови Лялиной**, в 1881 году поступившей в Елецкий Знаменский девичий монастырь. Пребывала она здесь «на разных послушаниях», в том числе – и на руководящих. И проявила себя столь успешно, что в 1889 году указом Орловской духовной консистории определена была настоятельницей в Ливенский Мариинский монастырь с возведением в сан игумении. В сане этом именовалась она Моисеей, а вот ее имя елецкого периода пока неизвестно. Быть может – Варлаама. Ведь, хоть и называет о. Геронтий письмоводительницу Варлааму



Игумения Моисея (Лялина),
путь ко спасению начинавшая
в Елецком Знаменском монастыре

Орловского и Севского, посетившего обитель 27 августа 1889 года. Преосвященным усмотрено было «много неисправностей, что и побудило сделать некоторые замечания престарелой казначею монахине Смарагде». В итоге указом Орловской духовной Консистории предписано было до назначения новой настоятельницы учредить совет из четырех старших монахинь для управления монастырем.



Указом Орловской духовной Консистории от 18 сентября 1889 года игумения Клеопатра по преклонным годам и расстроенному здоровью была уволена от должности настоятельницы Елецкого Знаменского монастыря на покой.

Столь много потрудившейся на благо обители настоятельнице была назначена пенсия «по 35 р. в месяц до самой кончины», что и

выполнялось неукоснительно вплоть до блаженной кончины игумении Клеопатры, последовавшей 25 декабря 1890 года «на 72 году от рождения». Как сообщает о. Геронтий, похоронили игумению Клеопатру близ места погребения предшественницы ее Павлины. На надгробие была возложена «чугунная доска с надписью».

А менее чем через месяц после увольнения на покой настоятельницы Клеопатры указом Св. Синода № 4436 от 13 ноября 1889 года утверждена была в должности настоятельницы Елецкой Знаменской женской обители бывшая письмоводительница Орловского Введенского девичьего монастыря монахиня Валерия (Тарновская), с возведением ее в сан игумении. И 21 ноября преосвященным Мисаилом (Крыловым), епископом Орловским и Севским, «при богослужении» возведена была монахиня Валерия «на степень игуменства».

Благословляя матушку Валерию на новое служение, владыка Мисаил вручил ей жезл настоятельский и одновременно — указ Орловской духовной Консистории, согласно которому она должна была немедля отправляться в Елец и там, при посредстве казначея Елецкого Троицкого монастыря иеромонаха Димитрия, принять вверенный ей монастырь в свое ведение, «с донесением о сем Консистории».

То, что правящий архиерей особый акцент сделал на немедленном отбытии к месту назначения, было вовсе не формальным канцелярским оборотом.

Личный его визит на Каменногорье несколькими месяцами ранее показал, что Знаменский монастырь фактически остался без управления после того как по весне 1889-го его предшественником наиболее деятельные лица из сестричества были назначены на руководящие должности в иные монастыри епархии. Не случайно отец Геронтий отмечает, что «игумения Валерия при обзоре... вверенного ее попечению монастыря встретила многое, что могло и омрачить душу ее». Но к чести ее духом не пала, а «став на страже дома молитвы и со смирением положившись во всем на промыслительную и крепкую руку Божию, ... решилась с терпением продолжать врученное ей Провидением дело».

Исполняя прямое указание епископа Мисаила, новопоставленная игумения организовала работы по переоборудованию верхне-

го летнего храма в теплый зимний. Настоятельная необходимость этого диктовалась тем, что в холодные месяцы «нижний не мог вмещать постоянно прибавлявшегося числа сестер».

В связи с тем, что первоначально верхняя церковь планировалась и сооружалась именно как неотапливаемая «летняя», эту часть храмового здания пришлось серьезно реконструировать: были «исправлены для этой цели потолки, полы, поделаны зимние рамы и двери, к северной стороне пристроена каменная крытая паперть». Для отопления же значительно расширенного храмового комплекса одних печей уже было мало, а потому пришлось оборудовать самую современную на те годы систему водяного отопления. «В притворе нижней церкви вместо печей поставлен котел и от него проведены чугунные трубы в верхний летний храм, по коим проходит доведенная до кипения вода и тем самым производит в храме нагревание до 16° по Реомюру. Такое благоразумно устроенное отопление не производит никакого угара и дает полную возможность без неприятных ощущений совершать богослужение при многолюдном собрании молящихся во всякое время года», — со свойственной ему обстоятельностью замечает отец Геронтий.

Одновременно с реконструкцией верхней церкви пришлось подремонтировать и нижнюю. Из-за неудовлетворительного отопления и плохой вентиляции храм был закопченный и сырой, «что особенно поразило преосвященного Мисаила при первом посещении его обители Знаменской». И вот нижний храм отделан был заново: «иконостасы промыты и окрашены белою масляной краскою, а стены kleевою светло-желтою». Обновленная нижняя церковь освящена была 13 августа 1890 г., а реконструированная верхняя — 21 сентября того же года.

И тут, думается, стоит особо указать, что, как следует то из сообщаемого отцом Геронтием в «Историческом описании...», преосвященный Мисаил, в отличие от ряда предшественников, явно советовал матушке Валерии заботиться не только об устроении зданий, но и об утешении *труждающихся и обремененных*. Показательно, что именно в годы управления игумении Валерии Святые врата с южной стороны, «над каменными сходами», были заново расписаны следующим образом: «наверху — большое изображение Знамения Божией Матери, на самых воротах — Господь

Иисус Христос, окруженный народом, над Ним надпись: «*Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы*» (Мф. 11, 28). И для того, чтобы на деле утешить нуждающихся и страждущих, Знаменским сестричеством сделано было немало.

Так, 9 мая 1890 года, отслужив «при многочисленном собрании молящихся» всенощную в монастыре Знаменском, преосвященный Мисаил уделил время беседе с настоятельницей о нуждах обители.

В состоявшемся разговоре правящий архиерей, изрядно огорченный имущественным неравенством сестер обители, «изволил высказать непременное желание, чтобы по отделке церкви в день храмового монастырского праздника Божией Матери «Знамение», 27 ноября, была открыта трапеза для бедных и трудящихся в послушании сестер». Игумения, уже убедившаяся сколь скучна казна обители, «от чистого сердца высказала свое горе и малодушество в предназначении». Но владыка тогда же сказал ей: «Веру имейте, матушка, и Господь во всем поможет Вам и благословит все Ваши предназначения». Ободренная словами архипастыря, игумения приступила к делу. И действительно, милосердный Господь послал ей помочь благотворителей. 27 ноября того же года состоялось торжественное, с молебном, открытие трапезы, на которое были приглашены светские власти Ельца и многочисленные ельчане, «питающие искреннее расположение к св. Каменногорской обители».

При сооружении трапезы понадобилось пристроить помещение для кухни, «в котором сделаны все нужные приспособления»; сбоку здания пристроена была широкая лестница для парадного входа в трапезу, а под кухней разместили хлебню. Благословляя выполнение этих работ, преосвященный Мисаил начертал на рапорте игумении такую резолюцию: «Разрешается и благословляется. По молитвам Пресвятой Богородицы, Царицы Неба и земли, да устроится и укрепится, и расширится общая монастырская трапеза для тружениц-молитвенниц».

Одновременно, еще с первых дней пребывания своего в Ельце, игумении Валерии пришлось немало потрудиться над тем, чтобы «исполнить волю епархиального начальства» и открыть при мо-



*Елецкий Знаменский монастырь при игумении Валерии.
Слева от Святых врат - двухэтажное здание, где устроена была*

настыре «на 100 девочек церковноприходскую школу». Школа эта открывалась, чтобы здесь бесплатно могли обучаться грамоте и рукоделию «беднейших родителей местного населения юные отроковицы».

Для этой благой цели обитель предоставила под училище добротный монастырский деревянный двухэтажный, на каменном фундаменте дом, крытый железом.

Здание располагалось на южном склоне горы вне монастыря «на последней площадке каменного всхода, близ южных св. ворот». И 30 января 1890 года при Знаменском монастыре торжественно открыта была церковноприходская школа. В этот день в здании школы был совершен молебен с водосвятием перед специально принесенной древней чудотворной иконой Знамение, послужившей основанием обители.

Учителями закона Божия в новооткрытой школе стали священник Николай Невский и диакон Василий Попов из причта монастырского храма, а преподавательниц грамоты и рукоделия назначили из числа монахинь. «Историческое описание...» уточняет: «Игуменья Валерия назначила в учительницы грамоте рясофор-

ных послушниц Фелониду Криворотову [будущую игумению Антонию – последнюю настоятельницу обители, происходившую предположительно из старинного рода елецких купцов – А. М.], Варвару Стефанову и послушницу Раису Калинникову, а для преподавания рукоделий – рясофорную послушницу Марию Панову. За ходом науки и порядка вменено в обязанность наблюдать непосредственно, как более сведущей, монахине Мелитоне».

Монастырь взял на себя также и обеспечение школы учебными пособиями. А в дальнейшем, как отмечает о. Геронтий, помошь бедным ученицам оказывалась «не одними необходимыми книгами, но часто и одяждою и прочим».

Следующим благим начинанием Каменнопольской обители было открытие больницы. В 1892 году для этих целей приобретен был за 2500 рублей «прекрасный деревянный дом». Причем, как сказано в «Историческом описании...»: «На покупку здания для больницы тогда же было пожертвовано 1200 рублей особыми, пожелавшими скрыть свои имена. Но Господь воздаст им по богатству Своей милости за их доброе произволение».

Побывавший в Ельце 11 июня 1892 года преосвященный Мисаил изволил посетить Знаменскую обитель и в частности осмотрел приобретенное здание, весьма ему понравившееся. Отец Геронтий сообщает: «На рапорт от 27 июня 1892 г. за №59, резолюция его преосвященства епископа Мисаила последовала такая: “По моему личному осмотру здание для больницы монастырской готово и очень приспособлено. Разрешается открыть больницу; уплату денег за келью для больницы произвести из неокладных монастырских сумм. Епископ Мисаил”».

Открытие монастырской больницы состоялось 26 июля, в день св. великомученика Пантелеимона, «по совершении торжественного молебства». В крытом железом добротном деревянном здании больницы была палата на 8 пациентов, аптека, «в которой находятся все необходимые медикаменты» и две жилых комнаты для прислуги.

Заведование больницей было возложено на «хорошо понимающую медицину казначею монастыря монахиню Мелитону», назначенную на должность казначеи 2 мая 1890 года вместо состарившейся и немощной Смарагды. Лекарство из больничной апте-

ки выдавалось всем бесплатно. В особо серьезных случаях для консультаций и лечения приглашался врач из города.

Так, к концу XIX столетия в основном закончилось формирование как архитектурного комплекса Елецкого Знаменского монастыря, так и внутреннего его уклада. 11 января 1890 года впервые был поставлен духовник обители – «иеромонах Елецкого Троицкого монастыря о. Феодосий». «А до этого монашествующие исповедовались у приходских священников».

Что же касается внешнего вида выросшей на Каменной горе обители, то вот какое описание оставил современник: «Все здания внутри монастыря состоят в благоприличном виде, покрыты железом и обнесены палисадниками, в коих растут цветы и деревья, придающие красоту и жизненность каменистой местности. А с южной стороны от города Знаменский девичий монастырь со своими башнями, высокою оградой и широкой каменной лестницей представляет собою как бы вид кремля или какого-то средневекового замка».

Успешные труды руководства обители не остались неоцененными. Настоятельница Каменногогорья игумения Валерия была 15 мая 1893 года «Всемилостивейше награждена наперсным крестом». «А деятельная сподвижница ее – казначея Мелитона – получила благословение Св. Синода, с выдачею ей грамоты за особые труды по должности казначеи монастыря».





Стезей страданий и гонений

Веромонах Геронтий, летописец Елецкого Знаменского монастыря завершил своё «Историческое описание...» в 1894 году. Этой датой и ограничиваются наиболее подробные сведения о жизни обители на Каменной горе рубежа веков XIX и XX.

На тот год в стенах монастыря искали спасения 310 наследниц: 254 и 54 монахини, руководимые казначеей и настоятельницей в сане игумении. Их молитвами и трудами, а потом — тех, кто пришёл им на смену, обитель процветала духовно и благоустраивалась в полном благополучии ещё почти четверть века.

К началу XX века елецкий Знаменский девичий монастырь представлял собой большой жилой поселок с двумястами деревянными домами.

Вот как описывает монашеский «городок» на Каменной горе В. И. Немирович-Данченко: «Каждый дом строили не по общему плану, не на один раз для всех утвержденному рисунку, а как хотелось его хозяйке. То узенький, в два этажа, по два, по три окна в каждом, то низенький и длинный, то с высокими, острыми, то пологими крышами. И всякая клетушка чувствует свою соседку локтем. Постаревшие — осесть, покривиться не могут — рядом стоящие крепко держит их под руки. Каждый домик в свою краску расписан: голубые, зеленые, красные, серые, бревенчатые, тесом обшитые — но все с крылечками в наружу, то под пестрым навесом, то совсем простенький. Между ними несколько поболь-



*Сестры Знаменского монастыря с игуменией Рафаилой (в центре).
Предположительно, одно из последних дореволюционных фото.*

ше и пощеголеватее, железом крытые с рядами окон, закрывших свои ставни, точно заснувших, низко опустив веки. Перед некоторыми — палисадники».

До 1914 года обитель управляема игумения Рафаила, сменившая матушку Валерию, а по блаженной ее кончине обязанности настоятельницы возложены были на монахиню Антонию (Криворотову), возведенную в сан игумении.

Но вот грянула революция, а за ней и гражданская война. К власти пришли и утвердились безбожники-большевики.

На Знаменский монастырь обрушились гонения. Формально он был упразднён и в большевистских документах теперь назывался «бывшим».

На деле же поредевшая, но всё же сохранившаяся община монахинь продолжала иноческое житие на Каменной горе. Сохранилась в прежнем порядке и богослужебная жизнь обители. Видя всё это, тем не менее, в славном своею набожностью Ельце коммунисты не прибегли к немедленным насильственным действиям по разгону почита-

емой обители, многие наельницы которой были из коренных ельчанок, а действовали как-бы исподволь.

В июне 1918 года попытались обвинить знаменских матушек то ли в соучастии, то ли в сочувствии «Аргамачскому бунту» - стихийному выступлению части ельчан против грабежа священнослужителей. Тогда же, в августе, направили в монастырь продотряд, прибывший из Москвы. Но даже А. А. Чернобаев, автор книги советского времени «Продотряд», прославляющей массовые грабежи хлеба в Елецком уезде, признает, что добыча москвичей составила лишь «десятки мешков». А ведь это был хлеб припасенный для пропитания трех сотен наельниц!

Но и лишенные запасов продовольствия, матушки Каменного-рья в смиренных молитвах пережили последовавшие за грабежом от имени власти голодные дни, не оставленные милостью Божией и заботой благотворителей из мирян, которые даже в те суровые дни не забывали о гонимых молитвенницах.

В 1919-ом на упорно сохранявших монашеское общежите Знаменских монахинь воздвигли новую политическую напраслину – их обвинили в поддержке «мамонтовцев», на несколько дней занявших Елец. Но обвиняли как-то неактивно и, в итоге, для «советов» безрезультатно. Еще через год, в 1920-ом, большевистские ячейки попытались развернуть «массовую» кампанию от имени трудящихся с требованием разогнать остающихся в обители монахинь, а здания забрать под городские нужды. Но трудящиеся поддержать большевистских запевал отказались и кампания была свёрнута.

Тем более, что, по документам, монастыря не было, а бывшие его наельницы трудились на благо нового государства и его защитницы – доблестной Красной Армии. Как позднее вспоминала монахиня Маврикия (Лютикова): «В 1919, с ликвидацией мужского монастыря в Ельце, в газетах и так, по народу, был разговор о том, что закроют и наш монастырь, но потом Губодежда дала наряды на пошивку белья для Красной армии, плетение веревочной обуви. Нам дали продукты, и мы остались в монастыре».

Так что некоторое время монастырь хоть и всячески утесняли, но всерьёз не трогали. А вот с окончанием Гражданской войны отпала и необходимость в трудах монахинь. Так что с приходом



*Елецкий Знаменский монастырь
перед его формальным упразднением большевиками*

1922 года ситуация вновь начала накаляться. Со дня на день ожидали сестры изгнания с Каменной горы. В тиши келий слышны были скорбный плач и стоны, в храме служили молебны о сохранении монастыря. Но, оказалось, что роковое время для Знаменской обители еще не пришло.

— В 1922 году был слух о закрытии монастыря, были разговоры об этом, но потом, когда нам привезли работы, про это забыли и обрадовались, что будем жить по-прежнему, — так рассказывала позднее о пережитом в те дни насельница Каменногорья Устиния Суханова.

Спасло обитель следующее: после долгих размышлений и обсуждения на совете старших монахинь, игумения Антония, при поддержке настоятеля Знаменского храма проиереха Владимира Кавказского, благословила монахиню Маврикию на организацию артели из бывших насельниц обители. И таковая артель была зарегистрирована в отделе кустарной и мелкой промысловый конторы при Орловском Губсовнархозе и Губземотделе за № 1087 от 4 августа 1922 года. При этом сторонницы этого нововведения подчеркивали, что причиной организации артели, или, как ее еще

называли — «союза», была исключительно «материальная сторона», заявила позднее на следствии матушка Маврикия. Артель организовывали за тем, чтобы «не лишиться квартир, меньше платить за них, так как членам артели была скидка от власти».

И все же многие сестры не поддержали это хоть и вынужденное, но в чем-то добровольное начинание, заметно отличавшееся от принудительного, по сути, труда «на Красную Армию». Противницам новшества оно показалось противоречащим монастырскому уставу.

— Монашеский устав не позволяет нам участвовать в артелях и союзах, — заявляла, в частности, Мария Нагавкина, духовная дочь епископа Елецкого Николая (Никольского), известного своим неприятием любых, даже и вынужденных отступлений от церковных канонов и уставов и немало за то претерпевшего от Советской власти.

И голос матушки Марии был не единственным. Из 300 насельниц только около 160 согласились трудиться в артели.

Потом открылся в 1926 году «второй союз» — «по вязанию кружев, пряже пуха и другим работам», влившийся в Елецкий союз кружевниц. Это еще более углубило несогласие между сестрами. Был тут и момент материальный — члены артели за квартиру платили по 9 копеек, а «отказницы» — по 38, и вновь поднятый уставной. Тем более, получая скорбные сведения о гонениях на монашествующих со всех концов России, матушки переставали верить в то, что артель спасет их от разгона.

— На самом деле другие монастыри такие союзы не спасли. Я и другие не вступали в этот союз, потому что не дело монашеское вступать в союзы, так как пришли молиться — значит, молись, — такой позиции придерживалась, например, монахиня Мариамна (Селиванова).

И все же, месяцы тревог, перемежающихся надеждами, складывались в годы, а монастырь сохранялся. Артель трудилась и кормила насельниц, позволяя жить общине по прежнему уставу. «Все осталось по-прежнему — устав, в церкви монастырский порядок, постриги в схиму и прочее», — по словам благочинной Софии (Ершовой). В первые «советские» годы открыто совершились постриги, как и раньше, в церкви, за службой. В 1923 году,

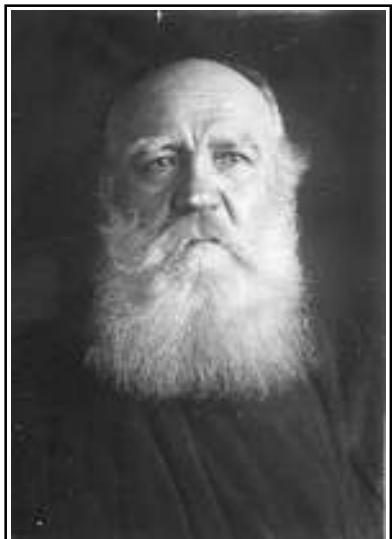
например, малый или рясофорный постриг, по свидетельству Елены Похачевой, приняли сразу 10 человек.

А вот в последние годы постриги обычно совершались тайно. Как явствует из материалов дела, возбужденного против руководства Каменногорской обители весной 1929 года, 16 июля 1928 года иеромонах Ювеналий (Булгаков) перед смертью, 16 июля, постриг в схиму умиравшую монахиню Елену (Елизавету Похачеву). Как сообщила матушка Мариамна: «Делалось это в келье, а не в церкви, потому что боялись делать открыто».

Руководили обителью до последних ее дней «игумения Антония, благочинная София, казнечея Гавриила, уставщица по церкви - Юлия» при духовной поддержке Знаменских священников отцов Владимира Кавказского и Исидора Павлова, служивших в монастырской церкви с 1905 и 1917 годов, соответственно. Так, хотя «сама игумения всем указывает, что она к монастырю отношения не имеет», «без благословения ее ничего не делается». В церкви сохранялось облачение настоятельницы и ее место, как игумению матушку Антонию поминали за службой.

И постепенно Знаменская обитель, в немалой степени остававшаяся островком прежнего церковного благолепия, становится центром религиозной жизни для тех, кто сохранял верность Патриаршему престолу, во всё более и более насильственно атеизируемом Ельце. На это не могли не обратить внимание «компетентные органы».

Впервые репрессивные меры к руководству монастыря попытались применить в 1924 году. Игумения Антония и настоятель Знаменского храма протоиерей Владимир были арестованы и отправ-



*Настоятель Знаменского храма
протоиерей Владимир Кавказский*

лены в Орел, где до суда находились в тюрьме. Дело их Орловский губернский суд рассмотрел 23 июня 1924 года. Приговор был, видимо условный, так как арестованных из под стражи освободили и они вернулись в монастырь. Но в каком состоянии! По воспоминаниям письмоводительницы Юлии Ильиной, мать-настоятельница «возвратилась из заключения из г. Орла нервноразбитой и совершенно неспособной к управлению в монастыре»...

Меж тем наступали времена, несшие еще более тяжкие испытания для и без того уже бывшей не слишком согласной Каменнопольской общине. Времена, требовавшие огромных сил, прежде всего духовных, от руководства монастырем — этим кораблем, с осторожностью лавирующим меж скал угроз со стороны властей и искусств от всех новых расколов и их столь убедительно вещающих глашатаев. Обновленчество как видно из документов, руководство обители не затронуло. Но и среди тех, кто следовал за Святым Патриархом Тихоном (Белавиным) вскоре по смерти святителя согласие было нарушено.

29 июля 1927 года Заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) совместно с членами Синода выпустил «Послание к пастырям и пастве» [*так называемая «Декларация 1927 года» — Л. М.*], в которой говорилось: «...Нам нужно не на словах, а на деле доказать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его... Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи...». Через некоторое время, 21 октября, последовал указ о поминовении властей по формуле: «О богохранимой стране нашей, о властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».

Более того, как отмечает М. В. Шкаровский в книге «Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви», на деле «Заместитель Патриаршего Местоблюстителя допустил вмешательство гражданских властей в кадровую политику: проведение епископских хиротоний с согласия государственных органов, перемещение

архиереев по политическим мотивам (за несколько месяцев было перемещено около сорока архиереев), замещение кафедр осуждённых епископов и т. п.». Что и вызвало серьезнейший раскол среди православного духовенства.

Во главе наиболее непримиримой оппозиции митрополиту Сергию встал митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых), почему движение и было названо «иосифлянством». И «вторым по значению после Ленинградской епархии районом распространения иосифлянского движения стала территория огромной Центрально-Черноземной области, включавшей нынешние Воронежскую, Липецкую, Тамбовскую, Белгородскую и Курскую, где возникло так называемое «буевское» движение»...

В послании к духовенству и мирянам Воронежской епархии от 9/22 января 1928 года епископа Козловского Алексия (Бuya), на которого было возложено управление Воронежской епархией, говорилось: «Своими противными духу Православия деяниями митрополит Сергий отторгнул себя от единства со Святой, Соборной и Апостольской Церковью и утратил право предстоятельства Русской Церкви... Высокопреосвященнейшего Иосифа (Петровых) избираю своим Высшим духовным руководителем...». Так началась «буевщина», которая охватила около сорока районов Центрально-Чернозёмной области.

И уже 17 марта в Воронеж приехал из Ельца священник Сергиево-Владимирской церкви о. Сергий Бутузов. Как сообщает М. В. Шкаровский, «он встречался с еп. Алексием и переписал у него иосифлянские воззвания и послания. Вскоре еп. Алексий прислал в поддержку Бутузову игум. Питирима (Шумских), который помог в организации монашеской общины при Владимирской церкви, а затем и в отделении от митр. Сергия расположенного вблизи Ельца Знаменского монастыря».

Правда, на основе известных нам документов мы не можем говорить о безоговорочной поддержке «иосифлян» со стороны Знаменской общины.

Понятно, что сторонникам епископа Алексия явно не пришлось долго уговаривать матушек-противниц артели, даже в житейских, вроде бы, мелочах не желавших быть «лояльными» к всячески утеснявшим их «советам».

Известно, кстати, что ещё до того большим авторитетом среди «отказниц» пользовались духовные дочери отличавшегося резким неприятием новой власти владыки Николая (Никольского), с 9 октября 1921 до 19 июля 1926 бывшего епископом Елецким, викарием Орловской епархии. О том, сколь сильно уважали его в Знаменском монастыре говорит, например, то, что, по кончине преосвященного Николая, именно здешние монахини переписывали и распространяли рукопись под названием «Житие Епископа Елецкого Николая», в которой жизнь и смерть владыки, последовавшая в 1928 году, представлены «как сплошные мучения от советской власти».

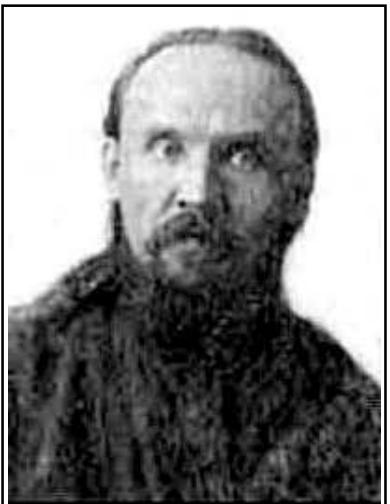
А потому вовсе не случайно определенная часть Знаменских монахинь действительно поддержала епископа Алексия. Его горячие проповеди нашли в стенах Каменногорья благодарных слушательниц. Тем более, что он уже в мае 1928 был выслан из Воронежа и с 20 мая проживал в Ельце, вплоть до ареста 7 марта 1929 года.

Возможно, первоначально и руководство обители, претерпевшее тюремное заключение за свои убеждения, сочувствовало противникам декларации митрополита Сергия. Во всяком случае, нет сведений о том, что игумения препятствовала проведению постригов сторонниками епископа Алексия. «В бытность мою в монастыре постриг от иеромонаха Питирима, находящегося в общении с епископом Алексеем, приняли Бутова Екатерина, Ольга, Елена, Мария, Александра и Анастасия Головина», — рассказывала монахиня Тихона (Дорогавцева).

Но с появлением епископа Алексия в Ельце разногласия из-за отношения к политике Заместителя Местоблюстителя Патриар-



*Епископ Елецкий
Николай (Никольский)*



*Епископ Алексий (Буй),
снискавший многих сторонниц
в сестричестве Каменногогорья*

это заставило нас уйти от канонического общения с этими священниками», – сообщила Мария Нагавкина. За лето число посещающих Сергиево-Владимирскую церковь еще выросло. Некоторые матушки даже переселялись с Каменной горы в общину, образовавшуюся при этом храме.

Как показала, отвечая на вопрос следователя, мать Тихона: «1 сентября я выехала в Черную слободу, в Сергиевскую церковь, где служит епископ Алексей, а раньше – священник Бутузов [о. Сергий Бутузов 21 июля 1928 был арестован – Л. М.]. Всего, по показаниям матушки Тихоны, в Сергиево-Владимирскую церковь из монахинь ходит «человек 15», что конечно, было явным преувеличением, обусловленным обстоятельствами «разговора».

О попытке затушевать действительную ситуацию и не привлекать к ней внимание следствия говорит, в частности, и ее заявление, что она, якобы, с ними плохо знакома, а потому и припомнить никого не может.

А вот опубликованные не так давно воспоминания рясофорной инокини Юлии (Ильиной) дают возможность взглянуть на упомя-

шего престола внутри обители, видимо, обострились и в итоге каждой из насельниц пришлось четко заявить о своей позиции.

Из показаний на следствии явствует, что с весны 1928 года наиболее горячие сторонницы епископа Алексия с Каменногогорья перестали посещать Знаменский храм и ходили на службы в Сергиево-Владимирскую церковь. «[С весны 1928 года – Л. М.] начала посещать Сергиевскую церковь в Черной слободе. Причины – религиозные убеждения... Священники отец Владимир и отец Исидор решили вступить в артель, во главе которой была Лютикова (Маврикия). Все

нуты выше события с точки зрения тех Знаменских монахинь, которые последовали не за опальным епископом Алексием, а за руководством монастыря: «Приблизительно в 1927 году в город Елец прибыл на жительство бывший викарий Воронежской епархии епископ Алексий Буй, вынужденный оставить свою кафедру ввиду того, что он стал в оппозицию каноническому возглавлению Русской Православной Церкви в лице митрополита Сергия. Как лично, так и через приехавших с ним лиц (иеромонахов), он начал привлекать к себе сестер местного монастыря и мирских, внушая им мысль о неправославии всех тех, кто следует за митрополитом Сергием, подпишавшим “декларацию”. Кроме того, епископ Алексий, совершенно не стесняясь канонами, позволил себе вмешиваться в местную церковную жизнь, постригая в монашество многих из своих последовательниц».

Но даже и это, «антибуевское» по сути, воспоминание о событиях тех лет, лишь подтверждает влияние, которое имел мятежный епископ [канонизированный в 1981 году Русской Православной Церковью Заграницей – А. М.] на православный Елец.

А вот противостоял ему, терпеливо разъясняя глубинный смысл новой церковной политики, внешне столь раздражающие «проповеди», архиерей не менее известный в истории Православия тех смутных и страшных лет – епископ Василий (Беляев), как показали исследования последних лет, не вполне правомерно выступивший в 1927 году послаником томившегося в заключении Местоблюстителя Патриаршего престола священномуученика митрополита Петра (Полянского), а затем вступивший на Елецкую кафедру.

Тем не менее, сыграв важную роль в поддержке позиции митрополита Сергия, епископ Елецкий Василий и далее твердо стоял на этой позиции. В воспоминаниях Юлии Ильиной говорится: «Преосвященный Василий почти ежедневно служил по церквам города Ельца и в произносимых им проповедях касался и деятельности епископа Алексия Бuya – разъясняя верующим неканоничность и мятежный характер оной. За это свидетельство об истине Преосвященный Василий подвергался яростным нападкам со стороны отпадших от послушания законному Церковному Священномоначалию».

Противостояние в Ельце двух авторитетных архипастырей, бывших выразителями непримиримо-противоположных в те дни подходов к отношениям с безбожной властью, а значит – и к судьбе Церкви Православной на Руси, не могло не сказаться, и, естественно, сказалось негативно на согласии в и без того уже бывшей недружной Знаменской общине. Как видно из материалов следствия 1929-го, благочинная, мать София, «в последние годы» только и делала, что улаживала раздоры насельниц. А тут еще власть начала новое наступление на Каменную гору.

Кампания эта хорошо прослеживается по страницам газеты «Красное знамя», в то время – органа Елецкого окружкома ВКП (б), окрисполкома и окрпартиюро. Как и положено, уже в 1928 году закрытия монастыря потребовали «простые рабочие». Первыми выступили типография и механический завод.

6 января 1929 года «Красное знамя» сообщило, что также и «собрание рабочих спиртоводочного завода единодушно высказалось за закрытие женского монастыря и организацию в нём рабочего посёлка». «Кто следующий?», - без обиняков ставила вопрос партийная газета.

Следующими подали голос 120 «в большинстве домохозяек», пришедших в центральную библиотеку на лекцию «Женский монастырь и его вредная деятельность». Они единогласно вынесли постановление «просить горсовет разогнать осиное гнездо поповства, укрепившееся за стенами монастыря». В первых числах февраля, по сообщениям на страницах окргазеты, за закрытие обители проголосовали союз СТС, рабочие Елецкого элеватора, мельниц №107 и №108. Черту подвела публикация в №49 «Красного знамени» за 1929 год подборки информаций на антимонастырскую тему под общим заголовком «Классовый враг в ряде наступа-



Епископ Елецкий
Василий (Беляев)

ет», с приложением фотографии Знаменской обители. В комментарии к подборке, написанном автором, скромно укрывшимся за псевдонимом Т., подводился итог газетной кампании и, в заключение, насельниц обвиняли в самогоноварении и непристойном поведении(!).

Дальше, как говорится, идти уже было некуда. Но власть, соблюдая внешние приличия, не торопилась. Решили повременить до перевыборов местной власти. Выборы благополучно состоялись. И вот в № 56 «Красного знамени» было изложено решение, принятное на заседании президиума Елецкого городского Совета, состоявшегося 3 марта 1929 года: «Имея в виду настойчивые требования трудящихся и части неорганизованного населения, внесенные в наказ горсовету, президиум горсовета постановил выселить монашек из занимаемых ими помещений бывшего женского монастыря, передав последние под рабочий городок и возбудить ходатайство перед окрисполкомом о занятии монастырской церкви под дом культуры».

Окружной исполнительный комитет, естественно, прислушался к президиуму горсовета и «на основании общих собраний избирателей и требований неорганизованного населения окрисполком признал необходимым закрыть Елецкий женский монастырь, жилищную площадь использовать под квартиры рабочих, а церковь - под культурно-просветительное учреждение». О чем «Красное знамя» и известило своих читателей 20 апреля 1929 года.



Впрочем, еще до принятия официального решения о передаче монастырских помещений под жилье для горожан сюда уже активно подселяли мирян, отбирая кельи у Каменногорского сестричества. Как показал один из свидетелей в деле против монахинь Каменногорья: «Я переехал на квартиру в бывшем монастыре в декабре 1928 года. Дом 2-х этажный. Внизу монашки живут».

Вот таких-то «квартирантов» и использовали для организации материалов, позволивших возбудить против Знаменских монахинь уголовное дело.

Особенно постарался один молодой учитель-коммунист, многосторонний донос которого, фактически, стал основой для начатого в январе 1929 года предварительного следствия, а затем был, в основных своих положениях, повторен в обвинительном заключении.

По весне 1929 года последовали аресты. И 4 марта 1929 г. возбуждено было «Дело №28 по обвинению гр. Криворотовой Феланиды Николаевны, Лютиковой Марии Ивановны, Ильиной Юлии Ивановны, Рязанцева Ивана Алексеевича и Кавказского Владимира Павловича». Всего в рамках этого дела привлекались 15 человек, но осуждены были лишь вышеуказанные.

Обвинили их в том, что «...эти лица, являясь руководителями Елецкого женского монастыря, прикрываясь созданной ими же Артелью вышивальщиц из монашествующего элемента, вели антисоветскую агитацию с использованием религиозных предрасудков населения, что выражалось в создании группы в монастыре, проводящей работу по удержанию монастыря от его ликвидации, пострижении монахинь, разлагающем влиянии на детей». Последнее обвинение, взятое из доноса упомянутого учителя-коммуниста, ярко иллюстрирует ту атмосферу травли, которая создавалась безбожниками вокруг обители. За суровым официозом обвинения на самом деле — массовое проявление милосердия со стороны сестер, приревавших в голодные 1920-е как своих малолетних родственниц, так и просто сироток, остававшихся без крыши и куска хлеба и, вполне естественно, наставлявших воспитанниц *в духе и истине*.

Признанные виновными Особым совещанием при коллегии ОГПУ 31 мая 1929 года настоятельница Каменногорской обители игумения Антония (Фелонида Криворотова), начальница артели - монахиня Маврикия (Мария Лютикова), письмоводительница и уставщица - рясофорная инокиня Юлия Ильина, настоятель Знаменского храма — протоиерей Владимир Кавказский и председатель церковной общины Иван Рязанцев приговорены были к 3 годам высылки каждый. А церковь обители была закрыта за два дня до этого скорого и неправедного судилища — 2 мая 1929 года.

А. Н. Доценко, в процессе подготовки своей работы «Святые лики над Ельцом», записала со слов старожилов такое предание о

судьбе «последней настоятельницы монастыря Антонии»: после закрытия монастыря в 1929 году матушка Антония была арестована и выслана из Ельца, но через несколько лет вернулась назад. В конце 1930-х годов ее вновь арестовали и на этот раз вместе с другими монахами и монахинями расстреляли. Принявшая мученическую смерть за веру, настоятельница была похоронена на старом городском кладбище неподалеку от Казанской церкви.

Иную версию мученической кончины игумении Антонии поведала елецкая старожилка 86 лет В. М. Полева. По рассказам, слышанным Валенти-

ной Михайловой от непосредственных свидетелей, игумения Антония вела подвижническую жизнь. И категорически отказалась отказать покидать обитель по своей воле, сказав: «Я своими ножками в монастырь пришла и обратно своими ножками из монастыря не уйду». Тогда представители властей, буквально волоком, разбив старице в кровь голову, стащили ее по высокой каменной лестнице со многими ступенями, ведущей с монастырской горы вниз, к святому источнику. В завершение всего тащили «в участок» по каменистым городским мостовым, привязав к лошади. От полученных побоев настоятельница скончалась и была похоронена на городском кладбище.

Очевидно, что оба предания сходятся в одном — кончина последней настоятельницы Каменноморья была мученической. Но вот документальные подтверждения тому пока неизвестны.

В частности, нет сведений о повторном осуждении игумении Антонии. К тому же мы знаем, что тела осужденных и расстрелянных в тюрьмах для похорон не выдавались, а захоранивались в



*Игумения Антония.
Фото 1929 года.*

общих тайных могилах. В том же Ельце, где в местной тюрьме на самом деле «работала» расстрельная команда, погребение казненных проводилось в обычном для тех лет порядке. В подтверждение того, что ельчанам в 1930-е годы это было хорошо известно, приведем слова бывшей Знаменской монахини Акилины: «многих батюшек и иже с ними забрали позже, одних выслали, других расстреляли прямо в Ельце. Рядом с городом выкопали ров, и там всех положили»...

В то же время, предание, сообщенное В. М. Полевой, видимо, заслуживает большего внимания. Хотя и здесь присутствуют преувеличения, характерные для передачи устной традицией воспоминаний о событиях, отделенных от настоящего времени изрядным времененным промежутком, а также свойственные специфике «житийных» рассказов. Все-таки речь идет о 1930-х годах, когда любые расправы, даже самые жесточайшие, производились строго в рамках «социалистической законности».

Но вот грубое обращение, даже избиение старицы милицией, вполне могли, как говориться, иметь место. Тем более, если мать Антония, действительно, заявила о своем твердом нежелании когда-либо добровольно покинуть стены обители. А такое быть могло. Тем более, что еще по осени 1929 года последняя настоятельница Каменногорья оставалась в Ельце, предположительно, в своей келье.

Согласно архивным документам «дело Криворотовой» было пересмотрено 3 сентября 1929 года и ее высылку отложили до выздоровления. Ведь состояние здоровья ее еще весной, во время следствия, согласно прилагаемому к делу свидетельству тюремного врача, было весьма тяжелым, на грани жизни и смерти. Так что, если «органы» силой решили поторопить исполнение приговора, пожилая, ослабленная многими болезнями игумения Антония просто не пережила бы сколько-нибудь грубого с ней обращения. А потому и могут отсутствовать документальные свидетельства. Из-за смерти старицы неприглядную историю, естественно, постарались бы замять...

Не избежали ареста и инокини, еще в 1928-ом отделившиеся из-за возникших разногласий от общины-артели Каменногорья, а после окончательного разорения Знаменской обители бежавшие в

соседний Задонск и вскоре разделившие здесь горькую судьбу единомысленных им последних насельников Богородицкого монастыря, также бывших приверженцами епископа Алексия (Буя).

Елецких инокинь арестовали в Задонске 28 сентября 1929 года, объявив участницами «контрреволюционной группировки», созданной последним настоятелем Задонского Богородицкого монастыря архимандритом Никандром (Стуровым). Ельчанки Мария Семёновна Нагавкина и Александра Филипповна Бобровская были осуждены к заключению в концлагерь сроком на 5 лет с конфискацией имущества. А ещё одной бывшей знаменской монахине – Елизавете Ивановне Бабёнышевой, дочери острогожского помешника, несмотря на дворянское происхождение, 5-летний срок в лагере заменен был высылкой на 5 лет в «Северный край» с конфискацией имущества.

Те же знаменские насельницы, что избежали ареста и суда в самом начале 1930-х, также далеко не все окончили дни свои в мире. Вторая волна, причем, куда более жестоких гонений, обрушилась на них в грозном 1937-ом.

Сотрудником Государственного архива Липецкой области, членом комиссии по канонизации Липецко-Елецкой епархии В. Б. Поляковым на основании следственных дел, хранящихся в фондах архива еще в конце 1990-х годов был составлен «Алфавитный список репрессированных в годы Советской власти священно- и церковнослужителей», вошедший в «Книгу памяти жертв политических репрессий Липецкого края», увидевшую свет в 1997 году. К сожалению, в «Списке...» обычно не упоминается, к какому именно монастырю принадлежала та или иная репрессированная в 1930-х годах инокиня. Но, как показала проведенная в архиве выборочная проверка (просмотрено 5 дел 1937-1938 гг.), формулировка «проживала в г. Ельце, монахиня», в сочетании с местом рождения в Ельце или в относительной от него близости, с большой степенью вероятности свидетельствует о принадлежности именно к Каменногорской иноческой общине. Следовательно можно считать, что в 1937-1938 годах были осуждены еще 25 бывших Знаменских монахинь, так и не покинувшие Ельца. Все эти матушки проходили по одной и той же «контрреволюционной» статье 58-10, сроки получали от 8 до 10 лет, а Матрена Сидорова поста-

новлением тройки УНКВД по Орловской области 22 декабря 1937 года приговорена была к расстрелу. Причем, вина последней, обвиненной еще и в террористических намерениях, была разве, что в несдержанности. На предложение купить облигации Госзайма Сидорова ответила не по времени прямо и категорично: «Для большевиков и Советской власти у меня денег нет»

Меж тем монастырские кельи были отданы под квартиры нуждающимся ельчанам. Опустошенный храм занял на несколько лет клуб, а потом величественная церковь, некогда столь украшавшая Каменную гору, была попросту взорвана и на долгие десятилетия обращена в гору строительного мусора.

Издание «Земля Липецкая» приводит следующие сведения об этом кощунстве: «в 1934 году разрушили церковь Знамения». А согласно цитируемому А. Н. Доценко рассказу ельчанки Е. И. Павловой, дочери бывшего Знаменского священника Исидора Павлова, после закрытия монастыря главный храм обители разрушали дважды. Вот только точных дат Павлова не помнит. «Разрушители хотели взять с храма кирпич, да весь кирпич рассыпался на куски, так что поживиться им не пришлось. Окончательно разрушали храм уже во время войны... Это сделали люди в военной форме, которые подорвали здание. Дым рассеялся, а стен как не бывало». Причем, Елена Исидоровна уверена, что это не были немцы. Когда они стояли на Каменной горе, храм оставался в довоенном состоянии.

Также по воспоминаниям Е. И. Павловой, во время первого разрушения храма иконы забирать не разрешили, между тем икон и утвари было очень много. Их куда-то вывезли. Но о. Исидору все же удалось тайно вынести два святых образа: Спасителя в терновом венце и икону Божией Матери. Эти спасенные святыни Павловы впоследствии передали в церковь во имя Казанской иконы Божией Матери и в Вознесенский собор. С учетом того, что о. Исидор был арестован в 1935 году, видимо, речь идет как раз о 1934 году...





Восстающий из руин

Иогда отгремели последние залпы победного салюта 1945-го, в Елец стали возвращаться инокини разоренного Знаменского монастыря, у которых закончились сроки пребывания в лагерях и ссылках. Руины возлюбленной обители и затворенные двери городских храмов встречали их. Лишь в кладбищенской церкви во имя Казанской иконы Божией Матери теплились свечи и совершались службы. А потому и стали некоторые из вернувшихся матушек подвизаться при храме алтарницаами. О судьбах этих последних Знаменских монахинь, опочивших в Ельце, и похороненных на старом здешнем городском кладбище, поведала елецкая старожилка В. М. Полева.

У каждого иноческого погребения на старом городском кладбище — своя скорбная история.

Вот камень, под которым упокоена монахиня Матрона, отошедшая ко Господу в 1958 году. Отбывала срок «в таёжном краю, в глухих местах». С ней разделяли лагерные тяготы матушки Акулина и Пелагея. Вместе и вернулись, вместе трудились в Казанской церкви. Рядом покоятся ныне.

Не оставлена памятью людской и могила матушки Марии (в миру — Гридневой или, по документам, — Гриневой). 10 лет отбыла она в лагерях, добиралась в Елец без копейки денег, где пешком, где людскою милостью. И все же сподобил Господь ее благополучно преодолеть огромное расстояние, чтобы упокоится в конце-концов в благословеной святителем Тихоном елецкой земле.

Монахиню Меланию вспоминают как «молчаливую». Имела от Господа благодать молитвенную, а потому часто звали ее читать Псалтирь по усопшим. Мелания читала всю ночь стоя. Когда же предлагали присесть, отвечала коротко: «Я трудиться пришла, а не сидеть». Отпевал ее архимандрит Исаакий (Виноградов).

Кстати будет заметить, что этот славный не только в

Ельце иерей, весьма многое сделал для того, чтобы покоить столь многое претерпевших в советских лагерях каменногорских молитвенниц. Он, а позднее — и соратник его на поле битвы духовном — иеросхимонах Нектарий (Овчинников) немало потрудились, не только помогая тем матушкам, что приходили в храм и были известны. По их благословению, как вспоминает В. М. Полева, бывших знаменских монахинь, втайне доживавших свой век по елецким квартирам, специально разыскивали, чтобы утешить и дать им возможность по-христиански отойти в мир лучший.

Вот, например, история монахини Анастасии. После разгона монастыря она поселилась у одной учительницы, пасла ее коз. Но в конце 1930-х мать Анастасия была арестована и осуждена на 10 лет. После ссылки вернулась в Елец, пришла к той же учительнице. «Примешь?». «Не могу я тебя принять, — говорит со слезами учительница. — И прогнать не могу. Если согласишься в подвале жить и никуда не выходить, то оставлю». Анастасия согласилась. Так и жила в вынужденном затворе. Знала об этом только соседка. Уж и



Место упокоения игумении Антонии, а далее слева — еще двух Знаменских инокинь: Феодосии (Вобликовой) и Сергии.

Сталин умер, а она все в подвале жила. Но вот умерла и приютившая Анастасию учительница. А тут еще дом покосился, крыша под снегом проваливаться начала. Пришла комиссия, чтобы решить, что с таким жильем делать. Начали осматривать дом, и обнаружили мать Анастасию в подвале, где пол снегом был занесен. К счастью, времена уже другие были. Члены комиссии только заахали сочувственно, как же, мол, так жить можно и предложили ее оформить в дом престарелых. Но мать Анастасия только и сказала начальнику комиссии: «Это, деточка, ничего. В Сибири куда страшнее было. Так что, никуда я отсюда не пойду». И оставили ее в покое, пока с аварийным домом бумажная волокита тянулась.

«Так и доживала она в подвале, — рассказала нам В. М. Полева. — Только, как все это открылось, мы узнали, рассказали отцу Николаю Овчинникову из Вознесенского собора. Он тут же денег дал. “Идите, — говорит, — найдите монтера, пусть ей свет в подвал проведет. Да печку туда поставьте”. Так, с его благословения, мы матушку Анастасию и дохаживали. И похоронили. Было это уже в начале 1960-х».

Некоторые из бывших монахинь Знаменского монастыря трудились в миру. Так еще одна матушка, носившая имя Анастасия, трудилась по возвращении из ссылки на кирпичном заводе.

По сохранившимся архивным документам известна судьба Марии Нагавкиной, осужденной на 5 лет по «Задонскому делу» в 1929 году. Она благополучно пережила заключение, была участницей Великой Отечественной войны, дослужилась до офицерского чина. После Победы продолжала службу в Советской Армии. В 1950 году, 16 апреля, генерал-майор Российской, и.о. начальника контрразведки «Северной группы войск», базировавшейся на территории Польши, запрашивал «в порядке проверки» уголовное дело Нагавкиной М. С. «офицера Советской Армии, находящейся за пределами СССР»...

Вот, собственно и все, что на сегодня известно о судьбах бывших монахинь и послушниц Каменногорья. А ведь было их на момент прихода к власти безбожников, объявивших себя властью рабочих и крестьян, около 300. Но уже к концу 1960-х годов об этом мало кто помнил. Так что, хоть и минула остатки монастырских стен и башен Каменногорья горькая судьба взорванных в те



Руины южных Святых ворот Знаменского монастыря в советское время
годы елецких церквей, казалось, что и их со временем ждет тот же горький жребий — быть разрушенными если не дерзновенной рукой человека, то уж точно — неумолимым временем.

Меж тем случилось иное — разрушена и повержена оказалась та самая власть, что от имени народа ополчалась восемь десятилетий против церкви Православной. Все чаще открывались двери возрожденных храмов, стали восставать из небытия и иноческие обители...



В конце 1990-х годов инициативная группа православных ельчан взялась за возрождение порушенной обители.

На обращение помочь в расчистке от строительного мусора и зарослей на занятой жилой застройкой территории монастыря, ремонте колокольни на первых порах откликнулось немало добровольцев из числа горожан. Вывезли немало мусора, расчистив руины храма. За алтарной частью разрушенной церкви

установили крест, обустроили и предполагаемое место упокоения чтимой подвижницы благочестия — затворницы Елецкой Мелании. Сюда потянулись верующие, стали приезжать паломники.

Но основные труды по возрождению Знаменского монастыря начались, когда Елец стал вторым по значению городом основанной в 2003 году епархии Липецкой и Елецкой. Возглавивший епархию преосвященнейший епископ Никон (Васин), чуть ли не с первых дней возымел попечение о действительном возрождении древней елецкой святыни, становление которой проходило некогда под окормлением святителей Митрофана и Тихона.

И в Светлую седмицу 2004 года епископ Липецкий и Елецкий Никон благословил архимандрита Севастиана (Щербакова) быть духовником возобновляемой сестрической общины Каменногорья и осуществлять координацию восстановительных работ.

Вместе с архимандритом Севастианом в Елец, на «пепелище» некогда знаменитого монастыря, во второй половине июня 2004-го прибыли 25 матушек, избравших для спасения стезю монашескую, дабы своими трудами и молитвами способствовать скорейшему возрождению древнего Знаменского монастыря.

Первым делом выкупили у тех, кто по воле власти заселил бывшие монастырские кельи, два практически брошенных домика. В них и разместились.

Спать первое время приходилось на деревянных нарах в 2 яруса. Трудиться — от рассвета до заката, расчищая заросли кустарника, густо покрывшие бывшую монастырскую территорию, убирая строительный мусор. Но матушки не роптали на скудость жизни и выпавшие на их долю тяготы.

— А мы и не должны привязываться к вещам, — рассказывала в одном телевьюте тех первых дней сестра Херувима — старшая монахиня Елецкого монастыря. — Не положено. И слава Богу, что был у нас настолько скромный. Постель вот такая, очень скромная. Убогая, можно сказать. Постель, духовные книги и наше облачение, — чего еще желать? И за то спасибо, что Господь посыпает нам возможность руками потрудиться во славу Его.

Старания матушек нового Каменногорья столь много успевших сделать за лето и начало осени первого года не остались

незамеченными и высшей церковной властью. 7 октября 2004-го в Патриаршой резиденции в Троице-Сергиевой Лавре Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II возглавил заседание Священного Синода Русской Православной Церкви на котором, в числе прочих вопросов заслушан был рапорт преосвященного епископа Липецкого и Елецкого Никона о благословении на открытие в городе Ельце Липецкой области Знаменского женского монастыря. И Синод постановил благословить открытие Елецкого Знаменского женского монастыря. Так, спустя три четверти века, вновь появилась в реестре монастырей российских и возобновленная каменногорская община.

А в середине декабря возобновляемая монастырская звонница обрела свой первый серьезный голос – епископ Липецкий и Елецкий Никон освятил в Ельце колокол женского Знаменского монастыря. Чин освящения совершен был с большой торжественностью. Сначала правящий архиерей отслужил праздничную литургию в Вознесенском соборе, а затем крестный ход проследовал через весь город до Знаменского монастыря.

В 2005 году завершены были строительные работы на комплексе у святого источника, включающем часовню, святой колодец и купель. Освящение закладного камня часовни во имя иконы Божией Матери «Живоносный Источник» состоялось 12 июня года предшествующего, накануне праздника Всех святых, в земле Российской просиявших. И на завершение довольно серьезного объема работ потребовалось меньше года. При огромном стечении ельчан и паломников из других приходов епархии епископ Липецкий и Елецкий Никон освятил часовню и купель, возведенные у издревле почитающегося святого источника, струящего свои воды из-под Каменной горы.

Велось строительство и непосредственно на расчищенной территории обители. Так что за минувшее с первых дней времена, попечением архимандрита Севастиана и матушки Херувимы удалось обеспечить вполне сносный быт для сестер. Летом 2006 года здесь спасались 8 монахинь и 4 рясофорные послушницы да еще те, кто только проходит искус послушания.

Выстроены келейный корпус, трапезная (площадью 200 кв. м.) в два зала – для насельниц и для паломников. Есть современно



У часовни на святом источнике под Каменной горой. Фото 2006 года.
оборудованные прачечная и баня. Серьезная работа проведена по
укреплению сохранившихся стен и башен.

Практически завершен внешний ремонт колокольни со Святыми вратами. Построены небольшие кирпичные домики, где разместились кельи руководства обители и административные ее службы. А вот до возрождения старательно разрушенного большевиками Знаменского храма пока еще далеко. Хотя и выведены стены нижнего яруса по старинному проекту, разысканному местным архитектором и краеведом А. В. Новосельцевым.

Но, чтобы прежнее здание храма во всей красе вновь вознеслось над Каменной горой, надо немало потрудиться. А главное – для этого нужны деньги. Причем, счет, вполне понятно, идет на миллионы рублей.

Немалые деньги нужны и на решение одной из самых больных на сегодня проблем возрождаемой обители – освобождению территории монастыря от появившихся по воле прежней власти в старинных кельях квартирантов. Новая, «несоветская», власть от решения этой проблемы попросту устранилась. А потому и приходится обители за свой счет переселять тех, кто проживает

ныне в бывших монастырских кельях. К июлю 2006 года было таким образом выкуплено 7 домиков. В одном из них и устроена нынче домовая церковь обители во имя иконы Божией Матери Знамение – единственный пока действующий храм на территории Каменогорья.

Но, впрочем, не за горами уже тот день, когда завершиться монтаж деревянной церкви во имя святителя Николая, чудотворца Мир Ликийский, собираемый ныне в восточной части монастырской территории, близ места, которое почитается ныне как могила матушки Мелании. Этот храм сооружается в воспоминание о действительно бывшей здесь когда-то малой деревянной церковке во имя читимого Русью малоязийского святителя.

А еще передан в ведение Знаменского монастыря расположенный несколькими кварталами ближе к центру города старинный храм с главными престолами во имя образа Спаса Нерукотворного и Рождества Христова. Его восстановление силами обители уже завершено. Здесь с 2006 года совершаются службы.

Откуда же берутся средства на масштабное это строительство и возобновление порушенного? «Помощью Божией и милостью людскою», – смиленно улыбается архимандрит Севастиан.

Но, заметим, милости этой здесь не ждут, сложа руки, а активно ищут. В том числе, используя такой старинный способ, как «кружечный сбор». Стоят в людных местах на елецких улицах знаменские матушки с кружками для сбора подаяний, едут в другие города с надеждой на отзывчивость и щедрость сердец православных. И Господь, видя такое их рвение, отворяет многие сердца, подвигая благотворить возрождаемой на Каменной горе обители и малых мира сего и великих...



Содержание

<i>Глава I.</i> Когда Елец отстроен был вновь.....	3
<i>Глава II.</i> Благословением святителя Тихона.....	14
<i>Глава III.</i> Возрожденный попечением ельчан.....	28
<i>Глава IV.</i> Завершая век XIX.....	43
<i>Глава V.</i> Стезей страданий и гонений.....	61
<i>Глава VI.</i> Восстающий из руин.....	79

